

Николай Старинщиков

Анаконда, глотающая живьем

Человек из тумана

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Николай Старинщиков
Анаконда, глотающая живьем

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Старинщиков Н. А.

Анаконда, глотающая живьем / Н. А. Старинщиков — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Чиновник – страшная сила. Подобная сила вдвойне безобразна, если ничем не ограничена и представлена чинушей в белом халате. Главным врачом, например. Жора Лазовский, заподозрив одного такого в нечистоплотных делах, встает у него на пути, поскольку чинуша вовсе не врач. Это анаконда, глотающая живьем. Содержит нецензурную брань.

© Старинщиков Н. А., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

Содержание

Часть первая	5
Глава 1	6
Глава 2	11
Глава 3	15
Глава 4	20
Глава 5	23
Глава 6	28
Глава 7	31
Глава 8	37
Глава 9	40
Глава 10	44
Глава 11	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Часть первая
Анаконда, глотающая живьем
«Никогда не следует поступать дурно

при свидетелях...»

Марк Твен. Про честность.

Глава 1

Однажды под утро, поздней весной, бывший гнойный хирург Непрокин Фёдор Ильич лежал дома в постели и видел сон. Словно бы он, главный врач ЦГБ, сделался вдруг политиком. Причем не где-нибудь в провинции, а в самой Москве. И при этом даже значительно похудел – фигура у него вдруг стала не то чтобы очень, а просто как у спортсмена.

Однако сон растаял, и Фёдор Ильич решил подниматься. Выбравшись из постели, он двинулся в туалет, потом в ванную. Освежившись под душем, он вышел на кухню и сел к столу. На столе его поджидал бекон с яйцом. Супруга, Леонида Ивановна, кружилась рядом.

– Сядь, – велел Непрокин.

Леонида Ивановна опустила на против.

– Опять наставила, – завел старую песню Непрокин.

– Можешь не есть, – обиделась Леонида, собираясь подняться.

– Сидеть! Я не закончил, – сказал Непрокин и принялся завтракать, уплетая за обе щеки.

Леонида Ивановна молчала.

– Хочешь, сон расскажу? – спросил Непрокин и тут же продолжил: – Будто едем мы в нашей машине. Водила по тормозам... Выходим – а это московский проспект, где Госдума стоит. Охотный ряд, дом один...

– Один?

– Ну, да!

– А ты?

– Куда, говорю, привез?!

– А он?

– Куда, говорит, надо, туда и привез... Короче, грубит мне...

Перебирая увиденное во сне, Непрокин прикончил бекон с яйцом, взял из тарелки пирожок с морковью и продолжил есть, прихлебывая кофе. Весна давала о себе знать. Она была в самом разгаре. Непрокина от жары бросало в пот, хотелось похудеть, стать стройным, как в студенчестве.

– По рынкам проехаться надо, – вспомнил он.

– Ты же в больницу хотел сначала, – напомнила Леонида Ивановна.

– А потом по заправкам... Может, сама съездишь?

Супруга выкатила на него глаза, но промолчала. Предприятие под названием «ООО «Ланцет» в виде нескольких рынков, автозаправок и аптек, было открыто на её имя, хотя управлялось лично супругом. Леонида Ивановна даже не знала, как там двери открываются.

– Успокойся, я пошутил, – сказал Непрокин, утирая губы салфеткой.

Поднявшись из-за стола, он пошел одеваться, а вскоре уже ехал к себе на работу. Он сидел в санитарном Узике типа «Буханка», разместившись позади водителя в пустом салоне. Водитель сбавил скорость, собираясь повернуть к ЦГБ. Обширная территория больницы была обнесена высокой стальной оградой. У ворот маячил красно-белый шлагбаум с крохотной будкой охраны, слева располагался магазин, прилепленный к автобусной остановке.

Вдоль остановки тянулись самодельные прилавки в виде ящиков и коробок. За ними уже находились торговцы.

– Опять эти твари! – воскликнул Прокин. – Я же велел их убрать!

Машина тем временем уже поравнялась с будкой охраны.

– Тормози! – крикнул Непрокин водителю.

Машина остановилась. За распахнутой дверью в будке сидел в обшарпанном кресле мужик одного с Непрокиным возраста, лет сорока, в черной куртке и с золотистой надписью на груди «ОХРАНА».

Непрокин откинул дверь машины и тотчас взревел:

– Какого ты хуя здесь сидишь?! Почему они опять там торгуют?!

– Там не моя территория, – ответил охранник.

– Мне твой директор обещал! Где напарник?!

– В приемном покое...

Непрокин хлопнул дверью, машина хрустнула требухой и двинулась дальше, оставив после себя тяжелый бензиновый дух.

Охранник поднялся, вышел из будки и плюнул вслед машине. До окончания дежурства оставалось всего полчаса, хотелось в туалет, а напарник не возвращался.

Фёдора Ильича в просторном кабинете ждали сотрудники. Раздув ноздри, он прошел к столу, сел в кресло и завел разговор о перестройке управления в подчиненной ему ЦГБ. Надлежало экономить бюджетные деньги. Не просто экономить, а сцепив зубы, забыв обо всё на свете.

– Иных способов нет, – сказал он, утирая платком лицо.

– Нам и так не хватает средств, а вы предлагаете экономить! – воскликнула Марина Люберцева. – Я никогда не соглашусь с подобной ситуацией. Мне не понятны ваши доводы...

– А вас никто не спрашивает! – гавкнул Непрокин. – Когда я был гнойным хирургом, то пахал за копейки...

– Это ни о чем не говорит. – Марина Аркадьевна поднялась с места. – В моей диссертации...

– Знаю, – крикнул Непрокин. – Клиника, диагностика и прогноз инфекционного эндокардита. Высосана из пальца...

От подобной наглости Люберцева потеряла дар речи. Она преподавала в местном университете и тащила на себе профильное отделение в больнице.

– Я никого не задерживаю, прения окончены, – объявил Непрокин.

Народ дружно поднялся и пошел из кабинета.

Лазовский Георгий под утро тоже видел сон. Словно попал он в какое-то учреждение, о котором даже думать боялся. Однако расправил плечи, присмотрелся. И видит: сидит за столом в коридоре мужик, лет семидесяти, и что-то читает. Потом смотрит в его сторону и говорит, слегка картавя:

– Нет, батенька. До нашего уровня вы не дотягиваете... Возьмите-ка, радость моя, билет – вас тут проводят, куда надо.

Старичок протянул бумажку и потерял к Лазовскому интерес. Зато рядом с Георгием образовался мужик помоложе, весь черный от копоти. Мужик, уцепив Лазовского под локоть, потянул за собой. Хватка у мужика оказалась железной. Лазовский на ходу положил бумажку в карман и покорно двинулся по коридору. Сопровождающий, будто он гид, указывал темной ладонью по сторонам.

– Вот дыба, – говорил он. – Мы до сих применяем её у себя. А вот испанский сапог. Суешь ногу – и ты уже не ходок...

Инструменты были членовредительские, предназначенные для пыток.

– Кровавое право, – догадался Георгий.

– Оно самое, – подтвердил «гид».

Лазовский боялся смотреть в сторону жутких устройств, призванных калечить слабого человека. К счастью, коридор вскоре закончился. Сопровождающий потянул на себя дверь, ввел Лазовского внутрь какого-то кабинета и встал рядом с ним.

В кабинете за столом сидел некий субъект. Лицо со следами старой оспы. По виду – не простой человек, а шишка.

– У тебя два выхода, – сказал субъект. – Либо ты поступаешь к нашему менеджеру, – он указал пальцем в сторону сопровождающего, – либо возвращаешься и работаешь. Короче, выбирай. Либо ты остаешься с ним...

От подобного предложения Лазовский сильно смутился. Выбирай – либо ты остаешься...

Хозяин кабинета вдруг стал на глазах багроветь:

– И хватит мотаться туда-сюда! Хватит будоражить общественность! Ступай и работай!

А мы присвоим тебе звание! Рядового!

Как тут не согласиться, Лазовский мотнул головой.

– Что-то не понял я! – набычился субъект. .

– Согласен, – выдавил из себя Георгий.

– Тогда приложи к документу большой палец.

Лазовский приложил палец к бумаге, и в тот же миг над креслом, где сидел человек, мелькнула голова в сизом сиянии, и раздался голос:

– Не видать тебе рая, гнусный человек!

– Господи! Прости меня! – восторженно воскликнул Лазовский и тотчас услышал за дощатой перегородкой какой-то шум – словно кого-то шмякнули о стену, после чего завопил мужской голос:

– Не надо! Я сам расскажу!..

За стенкой, вероятно, пытали человека. Лазовский сделал над собой усилие и проснулся, трясясь от страха, с одеялом вокруг шеи. Он принялся бормотать молитву, из которой помнил лишь самую суть: «Отче наш, иже еси на небеси...»

Придя в себя, он сел в кровати и осмотрелся, блуждая взглядом по стенам. Никаких пыточных инструментов, слава богу, не было и в помине. Подобные сны стали случаться с ним часто, хотя он не пил, не курил, не жевал и не нюхал. Лазовский был мент старой закваски, когда было за счастье распить бутылку после работы и разбежаться...

Он был мент, правда в запасе...

– Не сон, а просто ужас какой-то, – говорил утром Лазовский, сидя на кухне и прихлебывая кофе. – Ехал вроде как на машине – и на тебе! Попал в ДТП! А потом угодил в разборку. Даже боюсь сказать, куда...

Металлический грохот за окном не дал закончить рассказ. Георгий выглянул на улицу: чья-то легковая машина, перелетев при повороте через бордюр, описала возле дома дугу, вернулась на дорогу, скакнув через бордюр, и остановилась в отдалении.

– Приехал! – воскликнул Георгий.

Водитель выбрался наружу, на зыбких ногах обошел машину, опустился на колени и заглянул под нее.

– Ирина, смотри! – крикнул Лазовский жене. – Ну, сволота! В квартиру едва не заехал, паскуда!.. Хорошо, что хоть дом на бугре!

Ирина прибежала на кухню.

– Где? Кто?

– Под машину смотрит! Ага, заглядывай теперь, сучий потрох.

«Потрох» тем временем сел на бордюрный камень, обнял руками голову и так сидел, раскачиваясь.

– Еще только семь, а он уж нахрюкался! – поражался Лазовский.

– Ешь, а то на работу опоздаешь! – напомнила Ирина.

– Он же к нам едва не заехал!

– Ты еще полицию вызови! Ты же любишь у нас...

– Будь у меня время, я рассказал бы ему о ПДД. Я бы ему пришил уши на затылок.

Лазовский допил кофе и отправился в ванную. Прополоскав во рту, он утер лицо и направился в туалет – в мочевом пузыре с утра опять накопилось.

Облегчился, вышел в коридор и стал собираться. Время уже поджимало, а запаздывать на работу стало опасно – главный врач ЦГБ Непрокин в последнее время стал как-то странно поглядывать в его сторону.

– Пока, радость моя, – сказал Георгий, чмокнул супругу в щёку и вышел из квартиры. Во дворе жадно раздул ноздри, вдыхая свежий уличный воздух, и снова вспомнил про мерзавца, заскочившего на пригорок.

– Когда-нибудь точно заедут в квартиру, – решил он, косясь на стоящую в отдалении автомашину с сидящим возле нее мужиком.

«Господи, почему мы так глупо живем?! – неожиданно подумал он, садясь в троллейбус. – Куда-то всё лезем и лезем! Чего-то всё надо нам. А чего – не понять...»

Однако этот крик души так и остался у него без ответа.

Добравшись до ЦГБ, Лазовский вышел из троллейбуса и площадью направился к шлагбауму. Шлагбаум то поднимался, то опускался, пропуская сразу и транспорт и пешеходов, норовя погладить по голове и тех и других.

Заречный отдел полиции собирался на оперативное совещание. Личный состав втягивался в зал заседаний, рассаживался рядами. Оперативный дежурный, держа в руке кожаную папку, уже стоял возле трибуны как неприкаянный. Подошли также заместители начальника отдела, расселись за столом.

– Товарищи офицеры! – крикнул дежурный.

Личный состав поднялся. В зал вошел коренастый полковник. Дежурный шагнул ему навстречу:

– Товарищ полковник, за время дежурства происшествий не случилось!

Полковник молча пожал ему руку, прошел к столу и сел в кресло.

– Прошу садиться, – велел он. – Дежурный, доложите обстановку в районе.

Дежурный вернулся к стойке и продолжил доклад. Зарегистрировано столько-то происшествий, в охране общественного порядка участвовало личного состава столько-то. Дежурная смена отработала на все сто, однако сотрудники из других служб работали спустя рукава.

– Материал по грабежу до сих пор не собран, – закончил он, понизив голос.

– Вот тебе и реформа! – Полковник нахмурился. – Зарплату им подавай, а работу не спрашивай... Фамилии!

Дежурный молчал.

– У них есть фамилии?!

– Телегин и Гусев, – оживился дежурный.

– Опять эта сладкая парочка... Они здесь?!

Гусев и Телегин поднялись с переднего ряда.

– Когда я был опером, я землю топтал! – продолжил полковник. – Я сутками не спал, стараясь понять ситуацию! Зато моя зона вот где была у меня! – Полковник сжал кулак. – Я пахал, и никто не может сказать, что это было не так! Мы не позволим! Рапорта! Объяснения! И сегодня же в кадры...

– Никак не можем, – вымолвил Гусев. – Дело в том, что нам после дежурства положено отдыхать, товарищ полковник.

– Я тебе дам товарища! – лязгнул тот глоткой. – В кадры! Какой ты мне теперь товарищ... Мой товарищ рядом стоит, – покосился он на дежурного. И к дежурному: – У него что? Глюки? У него утомление?

– И так все сутки, – мямлил дежурный.

– Не надо ля-ля! – воскликнул Гусев.

– Молчать! – заорал начальник, ударив кулаком по столу. – Я, полковник Брызгалов, не позволю здесь разводиться! Говори, майор...

И дежурный стал рассказывать про то, как в районе случилось, можно сказать, изнасилование, как по горячим следам вышли на подозреваемого, задержали на семьдесят два часа и отправили в ИВС.

– У тебя же ведь сроки горят, – ворчал Гусев. – Тебе же ведь быстро надо.

– Молчать! – твякнул Брызгалов.

– Его просили как человека, – подключился Телегин. – Не торопись, там Барабанов сегодня дежурит, а задержанный – его сын. Так ему же ведь некогда. И теперь у нас труп!

– Представьте! – подхватил Гусев, оборачиваясь к залу. – Вы дежурите в изоляторе, а вам привозят вашего сына! Хорошо это будет для вас?!

Зал молчал.

– Помните Барабанова? – продолжил Гусев. – Он вам в отцы годится...

– И что из того? – спросил Брызгалов.

– Умер наш дядя Саша! – ответил Телегин. – Пришел домой с суток и скончался...

– Сидя на унитазах, – уточнил заместитель Игин, клонясь к уху Брызгалова.

– Сука, – сказал кто-то в зале, но Брызгалов услышал. Лицо его напряглось, а взгляд метнулся среди сотрудников.

– Кто это сказал?

В зале воцарилась тишина, и было слышно, как отчетливо за окном чирикают воробьи.

Оперативный дежурный сверкал глазами. Вот и посоветались...

– Ну, хорошо, – произнес Брызгалов. Он хлопнул по столу ладонью, взял со стола мобильник и поднялся.

– Товарищи офицеры! – подал команду дежурный.

Личный состав молча поднялся. Брызгалов, буравя взглядом пол, двинулся к выходу, бормоча сам с собой и теребя микрофон в ухе. Заместители шагали следом за ним.

Телегин, обернувшись, громко объяснял кому-то:

– У Барабанова сын! Взрослый! Задержали – и к отцу на нары. А у того сердце...

– Что-то я не врублюсь! В дежурке который был раньше?! – пищала кудрявая дама в штатском. – Его же заменить надо было! Или предупредить, подготовить!

– Отправить домой хотя бы, – добавил кто-то еще. – А так-то оно, конечно... Ты, допустим, сидишь, а тебе сына привозят в наручниках...

– Теперь его нет, – развел руками Гусев. – И сын его ни в чем не виноват. Это факт. Зато у нас тут все пахари! – он огляделся по сторонам. – Пашут по живому...

Глава 2

Георгий Лазовский шагал асфальтовой дорожкой к себе в ЦГБ. Местами тропинку пересекали муравьи, какие-то букашки. Лазовский был вынужден сбавлять ход, стараясь идти лишь свободным асфальтом. Он не помнил, когда у него появилась эта дурная привычка – жалеть муравьев и прочих, снующих под ногами.

На голове у Георгия были серебристые волосы, на ногах коричневые туфли с множеством мелких дырочек, дабы ноги не потели по летнему времени.

Лазовский помнил эту больницу с тех пор, как приехал в эти края работать по назначению. Потом он ушел на военную пенсию. Много времени прошло, а больница всё та же, никаких изменений. Впрочем, дыру в козырьке над приемным покоем всё-таки залатали. Когда-то давно один из больных, психанув по какой-то причине, обернулся матрасом и выпрыгнул из окна, угодив в козырёк, между брусьев. Что характерно, остался жив – благодаря мягкой кровле и подопревшему горбылю. Козырек после этого долгие годы зиял безобразным проломом. Давно это было, а кажется, что вчера...

Звук мобильного телефона прервал воспоминания. Звонил какой-то мужик из УВД, интересовался Лазовским.

– Слушаю вас всеми ушами, – ответил Георгий.

– Из совета ветеранов беспокоят, – продолжил мужик. – Семенов моя фамилия... Мы тут решили, что надо бы встретиться. В связи с реформой в МВД. Короче, нам надлежит подключиться. Как вы на это смотрите?

– Так вроде бы уж того, – соображал Лазовский. – Прошла реформа.

– Так-то оно так, но не совсем. Ветераны тоже должны участвовать. Как вы на это смотрите?

– Положительно, – впопыхах ответил Лазовский.

– Вот и ладненько. Всего вам хорошего.

Абонент отключился. Лазовский, косясь на заплату в козырьке, убрал телефон в карман, повернул за угол, подошел к административному корпусу с громадными колоннами и взялся за ручку двери, мечтая спрятаться в кабинете и сидеть до вечера. Придти, сесть в кресло и вытянуть ноги. И сидеть, считая ворон на соседнем тополе за окном. За тот оклад, который здесь положили, только ворон и считать. Раз ворона, два ворона...

Лазовский приближался к кабинету, норовя вонзить ключ в замочную скважину. Однако не успел. Его опередила сбоку секретарь главного врача и велела сразу же двигаться к Непрокину в кабинет. Проговорив, она тут же полетела в обратную сторону. Голубой халатик трепетал у нее на подвижных бедрах.

Лазовский, не торопясь, направился следом. В его планы не входило бегать сломя голову. У входа в приемную девушка обернулась:

– Между прочим, всё утро звонили вам в кабинет, а вас нет. Почему вы всё время опаздываете?

– С чего вы взяли? – удивился Лазовский, глядя себе на часы. – Я работаю с девяти, согласно нашему договору.

– Ну, не знаю, – стояла на своем секретарь. – У нас работают с восьми.

– Ну и работайте. Я же вам не мешаю...

Секретарь дернула на себя дверь, вошла первой, подбежала к столу и села в кресло.

– Идите. Вас ждут, – махнула она рукой в сторону двери с деревянной табличкой. – Сами там объясняйте.

Лазовский потянул на себя ручку двери, вошел внутрь и поздоровался, оставаясь у порога. И вновь подумал, глядя в сторону Непрокина, что лечебное голодание тому пошло бы

на пользу: главный врач походил на громадного бабуина. Или бегемота. Возвышаясь горой, он смотрел в монитор компьютера. Бывший специалист гнойной хирургии, вероятно, не ведал об учении Порфирия Иванова: «Не жрите вечером с пятницы до воскресного дня, обливайтесь холодной водой и совершайте дальние прогулки...»

Щелкнув клавишей, Непрокин обернулся к Лазовскому и, не отвечая на приветствие, сухо спросил:

– Где у нас договоры? Ты их брал и не вернул. Принеси, хочу посмотреть.

Лазовский скомкал губы. Какие-то договоры. Лазовский о них впервые слышал.

– Ступай. Жду.

Непрокин повернулся к монитору, кресло под ним жалобно скрипнуло.

– Нет у меня никаких договоров, – опомнился Лазовский. – И никогда не было. Они в бухгалтерии на постоянном хранении...

– Ну, так принеси мне их оттуда! – крикнул Фёдор Ильич. – Ты же юрист!

Лазовский хотел сказать, что он не агент по особым поручениям – принеси-отнеси. Однако передумал и двинулся к двери в коридор. Почему не сходить и не принести, если просят, допустим, начальник.

– И на счет поставок! – крикнул ему вслед Непрокин.

– Там не всё в порядке, – произнес Лазовский. – Цены завышены, так что я прямо не знаю.

– Не твоего ума дело! – крикнул Непрокин. – Подпиши: «Согласовано» – и гуляй...

– Хорошо, я подумаю...

Выйдя от Непрокина, Лазовский поднялся на четвертый этаж, вошел в бухгалтерию и поздоровался

– Слушаю вас, – оживилась бухгалтер.

– Главный просит договоры. У вас есть мешок?

– Для чего?

– Чтобы унести...

Женщина надела очки, пристально посмотрела в монитор, затем обернулась:

– Мы же им говорили, что нет у нас договоров. – Она открыла ящик стола. – Их забрали у нас. Приходили из хирургии и взяли – есть там у них такой, из молодых, которому поручили. Он дежурит сегодня в реанимации...

– Понятно...

– А мне, например, не понятно, – продолжила дама. – Почему они ему поручили, а не вам, Георгий Михайлович?

Лазовский ничего не ответил. Шмыгнув носом и взялся за ручку двери.

– Всего хорошего...

И вышел в коридор: в небольшом кабинете здорово припекало. Опустившись на первый этаж, Георгий вышел на улицу. Настроения никакого. Быть курьером по доставке дурацких бумаг он не подписывался. Тем более что их поручили ком-то другому. Легче придти сейчас к самому и плюнуть в харю. Либо написать заявление об увольнении с работы и тихо уйти.

«Но хочется почему-то именно плюнуть», – подумал он вдруг отчетливо, изумляясь пакостному желанию, и тотчас вспомнил виденный сон – средневековую дыбу, «испанский» сапог и крик истошный: «Я сам расскажу!»

Постояв у колонны с минуту, Лазовский вернулся в больницу. Затем поднялся на второй этаж, нажал кнопку на двери реанимационного отделения и принялся ждать. Вскоре за дверью послышались шаги, затем щелкнул замок. Вышел пожилой человек в белом халате, и Лазовский принялся ему объяснять цель своего визита.

– Не знаю, – мялся мужик. – Какие-то договоры...

– Сам удивляюсь. Ладно бы взял их хотя бы завхоз, а то ведь...

– Вспомнил! – Врач хлопнул себя ладонью в лоб. – Сейчас к вам выйдут... – и юркнул за дверь.

На этот раз ждать пришлось дольше. Лазовский даже забыл, для чего пришел. Он сидел в коридоре на скамье, уперев лицо в ладони и набираясь решимости. Сейчас он пойдет и скажет этому гнойному, что о нем думает. Ведь говорят же, что больница превратилась в рассадник преступности.

Дверь наконец отворилась. В проеме на этот раз стоял молодой человек с бумажным пакетом в руке. Без лишних слов он подошел к Лазовскому.

– Это всё? – удивился Лазовский, принимая пакет, усеянный оттисками врачебных печатей. – Что здесь у нас?

– Так... – произнес доктор, – разработки главного.

– Но всё же, – наседали Лазовский.

– Ничего не могу сказать, – ответил доктор.

Проговорил и пошел назад, сутулясь.

– Ну, ничего, – вслух подумал Лазовский. – Я вам покажу курьера по особым поручениям. Нашли тоже клоуна...

Он опустился со второго этажа в вестибюль и тут остановился. Пакет не давал ему покоя. Навстречу Лазовскому шла секретарша и смотрела на него козыми глазами.

Звук кованых копытцев удалился по коридору. Лазовский притормозил возле своего кабинета, вынул ключ от двери и быстро вошел. Осталось налить в чайник воды и нажать кнопку – остальное дело техники.

«Интересно, – думал он, закрывая дверь на замок. – Что можно держать в подобных пакетах? И для чего их опечатывать, если там всего лишь бумага?»

Миша Ободов, по кличке Банан, торопился на служебных «Жигулях» к себе в офис. Под офисом имелась в виду контора охранного предприятия, расположенная на заводе по производству отопительных котлов. Банан со школы носил эту кличку и был ею доволен. Высокий, плотный, с овальным темным лицом и припухшими веками. В конторе Банан числился начальником охраны, хотя за плечами у Миши была только школа – и та неполная. Однако никого это в конторе не волновало, к тому были веские причины.

Охранное предприятие называлось ООО ЧОП «Скорпион» и возглавлялось директором, отставником МВД.

Банан свернул на промышленную площадку. А вот и база. Красное кирпичное здание, зеленый газон, окруженный кованым заборчиком, крыльцо, проходная, видекамера возле двери. Вокруг забора находились такие же камеры.

Банан вбежал на крыльцо, вошел в коридор. Охранник, как обычно, торчал за стеклом. Миша кивнул охраннику, завернул за угол и вошел в кабинет «Скорпиона».

Директор Борис Галкин с заместителем гоняли чай. Банан поздоровался с ними за руку и опустился на свое место.

– Как дела на постах? Без замечаний? – спросил Борис, гремя чайной ложкой.

– Стоят, – ответил Банан. И полез в стол за бумагами. Вынул старые графики, принялся листать. Потом бросил их назад и тоже потянулся за бокалом. Опустил в него чаю пакетик, налил кипятку, взял из вазы конфету, сунул в рот и принялся хрустеть терпкой карамелью, запивая горячей влагой.

– Миша, у тебя есть на примете человек? – спросил Боря, тараща глаза поверх бокала. – Только не такого, что ты нам привел. Это ж такая сволочь спортивная, что просто беги от него...

Банан наострил уши. Какого такого он им привел?

– По зубам стукнул одного. В кафе, – бормотал Боря. – Увольнять придется. Заместитель Абрамычев, тоже отставник, ухмылялся, ныряя носом в бокал.

– У того кровяца, – продолжал Борис. – По рубашке размазал и ходит по залу – все стены кругом заплывал.

– Надо было остальные выбить, – произнес Банан низким голосом.

– Ну, ты даешь, Миша! – рассмеялся Борис. – Развоняют на весь район.

Боря уставился в сторону заместителя, словно призывая того в свидетели. Но тот молчал, допивая остатки чая.

– Может, ты и прав, Миша, – продолжил Боря, – но нам не хотелось бы терять этот ночной клуб...

– Забегаловку, – перебил Банан.

– Пусть так, но этот Бордовый...

– Борзов, – поправил Банан.

– Оказался пьян...

Глаза у Банана округлились.

– Я лично его вчера проверял, – произнес он.

– Я читал твой рапорт, – сморщился Боря. – Строже надо с ними. А этого мы уволим, иначе опять потеряем лицо.

Банан нахмурился:

– Поеду. Разберусь с идиотом.

Кресло на колесиках скакнуло из-под Банана.

– Разумеется, поезжай, – пел Боря. – Разобраться надо. Это твое право.

Банан подошел к двери, но шагнуть за нее не успел, потому что прозвенел звонок телефона. Боря поспешно поднял трубку.

– «Скорпион» слушает! – крикнул он бойко. И выкатил глаза: – Что?! А как ты сам думаешь?!.. Тогда для чего мы там стоим?! Подумаешь, разок вас послали! И что?!

Боря замолчал и стал слушать.

– Ах, вот оно что – так бы сразу и сказал, – продолжил он. – Непременно выезжаем. Группа быстрого реагирования. – И к Банану: – Как раз по твоей части.

Банан моментально преобразился. Поправил рубаху, поддернул брюки.

Вдвоем они вышли из офиса и уселись в служебные «Жигули», на которых только что приехал Банан. Банан сел за руль – Борис рядом. Банан наклонился в бок, нащупал под сиденьем на коврике знакомый продолговатый предмет. Потом запустил двигатель, включил передачу и двинулся промышленной площадкой в сторону ЦГБ.

Глава 3

Закрыв за собой дверь, Лазовский бросился к чайнику и нажал кнопку. Времени было в обрез, следовало торопиться.

«Поставки ему подпиши! – металась мысль. – Сейчас! Разбежался!»

Руки плясали от напряжения: не может такого быть, чтобы просто так взяли и запечатали. Это же очевидно, что не могут врачи заниматься юриспруденцией – им это не положено, ибо таких дров наломают, что ротой юристов не разгребешь.

Вода в чайнике закипела, Лазовский приблизил к нему пакет с печатями. Клей тотчас размяк, и конверт легко раскрылся. Георгий вынул из него документы и принялся их читать. Протокол о намерениях. Страницы на немецком языке, а также плотный черный конверт. Лазовский раскрыл его, в нем лежал плотный лощеный лист, на котором ничего не оказалось, и Георгий вернул его назад.

Этот лист выглядел как-то странно. Такую бумагу едва ли можно использовать в переписке – слишком уж толстовата, словно картон.

Георгия передернуло от макушки до пяток. Попался, кажись! Если это фотобумага, она теперь засвечена, и будет ясно, что пакет открывали.

Однако он решил продолжить дело. Положил бумаги в кожаную папку, вышел из кабинета и понесся по коридору – это был единственный способ успеть вовремя. Он даже придумал, что бежит в туалет по нужде. У кого хватит наглости хватать на лету человека, если того поджидает?!

Остановившись возле двери с надписью «ксерокопия», он рванул ручку на себя. К счастью, девушка по обслуживанию ксерокса оказалась на месте.

– Срочно, радость моя, – сказал Лазовский, вынимая документы.

Девушка поднялась со стула и вялыми движениями принялась укладывать листы в аппарат. Один за другим, давя зевоту и заводя глаза в потолок.

Георгий забрал ксерокопии вместе с оригиналами и дай бог ноги. Предстояло запечатать пакет, чтобы комар носа не подточил.

Коридор оказался пуст. Лазовский миновал пространство, юркнул к себе на рабочее место и заперся изнутри. Вложил документы в пакет, разогрел над паром и осторожно приклеил клапан конверта. Оттиски печатей совпали полностью.

Едва он успел покончить с этим делом, как в кабинет постучали. Дождавшись, пока не удалятся шаги, он вышел из кабинета и направился к Прокину.

Секретарь сидела на месте. Ошпарив Лазовского молчаливым взглядом, она снова опустила глаза.

Главный сидел в кабинете и пялился в монитор.

– Принес? – спросил он, глядя Лазовскому поверх головы. Словно у того выросли на макушке рога.

Георгий утвердительно качнул головой. Шагнул к столу, положил перед начальством конверт и спросил внезапно осипшим голосом:

– Разрешите идти?

Непрокин вскинул глаза, словно не понимая вопроса. Потом сделал движение ладонью. Наотмашь. Как смахивают ненужную пыль со стола.

Лазовский развернулся и вышел в приемную, едва соображая. Это он правильно сегодня подумал, что плюнуть было бы лучше. И облегченно вздохнул, ловя себя на мысли, что придется бросить работу. Без этой работы он не погибнет. Он найдет себе другого работодателя, зато перестанет страдать от вопроса – уважают его на работе или нет.

Он мельком взглянул секретарше в лицо – крутая бабенка у Главного! – и вышел в коридор. И зло сплюнул. И снова, который уж раз за последнее время, удивился: «На кой хрен человеку должность, если у него рынки, заправки, аптеки и автостоянки? Странно всё это. И непонятно...»

Вернувшись к себе в кабинет, он вылил в чайник из графина остатки воды и нажал кнопку. Выпить чайку – самое подходящее время. Крепкого. Почти что чифирь.

Он наклонился к столу за пачкой заварки: ксерокопии так и остались лежать поверх стола. Откровенное ротозейство. Надо спрятать документы: подальше положишь – поближе возьмешь. Еще не ясно, что в них написано. Однако протокол о намерениях говорит о многом: Непрокин решил заключить договор с клиническим институтом. Как там его называют?

Взгляд побежал по бумагам. Но это же заграница! Круто, Фёдор Ильич! Выходит, решил перепрыгнуть рубеж!

Вода вскипела, Лазовский заварил себе чаю. Потом сгреб со стола бумаги, вложил их себе в папку, в боковую щель. Читать документы в кабинете всё равно не дадут.

Чай слегка остыл, и Георгий принялся пить его мелкими глотками, тягуче соображая. Пришел человек работать по специальности, а хочет убежать без оглядки – это отчего? Может, от нежелания работать? Может, он хочет сесть у себя дома и ждать, пока ему не позвонят и не скажут: «Работать за пару «гринов» не желаете ли?»

Лазовский усмехнулся. Это в нынешних-то условиях, когда каждое рабочее место на вес золота. Какие-то «грины», прости господи. Тут хоть бы деревянными рублей пятьсот набросили – и то стало бы легче на сердце...

«Но подлость где-то здесь рядом, – твердо решил он. – Подлость ... Не зря речь о поставках завел, скотина...»

Звонок мобильного вывел его из оцепенения. На связи вновь был председатель Совета ветеранов.

– Как на счет вашего участия? – спросил он. – Мне надо точно знать. Если да, то прямо сегодня ждем в управлении. Часикам к шести...

– Я же работаю! – воскликнул Лазовский. – Но я постараюсь...

Банан остановил машину у въезда в ЦГБ. Охранник узнал его, поднял шлагбаум, пропустил на территорию и вновь опустил.

Пассажиры выбрались из машины и направились в будку. Боря Галкин, расправив плечи, шагал впереди. Банан сопел позади.

Боря перескочил сразу три ступеньки и оказался в тесном помещении охраны. Молодой мужик в черной форме «рулил» службу, рискуя опустить шлагбаум кому-нибудь на голову или на машину.

– Что у вас тут происходит? – спросил Боря, протягивая руку.

– Цыгане толпой проехали, – ответил охранник.

– Вас же здесь двое! – Боря вытаращил глаза. – И у вас шлагбаум теперь. Опустил – и пусть торчат за воротами.

– Они за скорой пристроились! – вскипел охранник. – Попробуй, отлепи их оттуда! Мы же не в цирке! А стукнешь шлагбаумом – отвечай!

– А как же! Обязательно! – согласился Боря. – Для того ты здесь и стоишь!

– Ну! И как здесь работать?! – бурлил охранник. – Требуют сначала одно, потом другое...

– Сейчас, разберемся! – Воодушевление не покидало Бориса. – Где они?!

Охранник поднялся и вышел из будки.

– Вон они – за березами стоят. – Охранник махнул рукой в сторону здания. – Расположились с машинами под окнами и орут. А у больных тихий час.

Боря в удивлении качнул головой. Хлопнул в ладони и шагнул тропинкой среди берез. Подойдя к нарушителям, он остановился, раскорячив ноги. И заговорил, представившись директором.

– Кто такие? Почему нарушаем?

Разноцветная толпа, состоящая из пяти взрослых и восьми детей, взорвалась моментально. Борю обступили со всех сторон, жужжа в оба уха:

– Такое несчастье!.. Э-эй! Ты что, кучерявый?! Эллочка с ребенком попала в больницу – сам посмотри, начальник! Вот она, бедная, дитя нечем кормить! Молока нету! Ты что?!

Борис кинул взгляд по этажам и поймал в окне фигуру индуистской девы с дымящейся сигаретой в руках.

– Она еще и курит! – удивился Боря. И к «гостям»: – А ну быстренько отсюда! Встали и пошли, пока я не вызвал группу быстрого реагирования! Я доходчиво объясняю?! Поставьте машину за пределами больницы и можете приходить. В установленные часы...

Однако цыгане подчиняться не собирались. Крик усилился. Орала одновременно в сторону Бори и в сторону родственницы, свисающей из окна. В окнах семиэтажного здания показались любопытные лица больных.

Банан стоял рядом, не вмешиваясь в спор. Боря допустил явную ошибку, это было очевидно. Он действовал стандартно, как обычный мент, наделенный властными полномочиями. И в том была его ошибка.

Банан пригляделся к мужчинам, без труда различил среди них самого старшего и более спокойного. К нему и следовало сейчас подойти.

Банан вернулся к машине, вынул из-под сиденья продолговатый предмет с головкой на конце и вернулся вразвалку к толпе нарушителей. Он смотрел поверх голов с высоты своего роста, прихлопывая «волшебной палочкой» себе о другую ладонь.

«Кто-то что-то сказал, или мне послышалось?» – исходило от его молчаливой фигуры. Руки на уровне груди. В руках внушительный болт, аккуратно обмотанный голубой изоляцией. Он словно для того и подошел, чтобы головы проламывать нарушителям. Ещё раз хлопнул о ладонь страшным предметом. Взгляд побежал поверх толпы и лишь после этого уперся в глаза стержневому цыгану.

– Ты здесь за главного?

У того плечи опущены. Согласно кивает.

– Покинь территорию.

– А разве она твоя? – дрожащим голосом спросил мужик.

Но Миша Банан не ответил. Лишь утвердительно качнул головой. И снова поймал ладонью тяжелый болт с шестигранной головкой. Цыгану даже показалось, что на шляпке мелькнула засохшая кровь.

– Уходим! – гортанно крикнул цыган по-русски. – У них здесь свои правила, и мы должны подчиниться...

– Не плачь! – кричали Эллочке снизу. – Вечером мы приедем – туда выходи!.. Слышишь?! В вестибюль!.. Сама видишь – здесь нельзя!..

– Устроили цирк с огнями, – бормотал Боря, качаясь с пятки на носок.

Внеурочные посетители садились в машины. Банан стоял рядом, продолжая ласкать увесистый предмет. Наконец цыгане освободили газон.

Банан пошел следом за ними. Боря шагал позади. У будки охраны они остановились, и Миша обернулся к Галкину, сверкая глазами:

– Не так надо себя вести. Ты действуешь, как в милиции, но это неверно. Ты показал им, что сильно взволнован... Им этого только и надо. Понимаешь, к этому надо привыкнуть.

Банан не мог с научной точки зрения объяснить свое поведение, но Боря его понимал. Он лишь согласно кивал, ни слова не говоря.

Со стороны приемного покоя подошел второй охранник и встал рядом.

– Куда вы смотрите? Вас для чего поставили? – начал Борис. – У вас цыгане по больнице на машинах ездят, а вам хоть бы что. Увидит Непрокин – сами будете объяснять!

Охранник молчал.

– Куда ты ходил?

– В туалет, – последовал ответ. – У нас же ни руки помыть, ни сходить...

– Особенно ночью, – подтвердил второй охранник. – Все кусты кругом обоссали...

– Именно, – поддержал первый. – Ведь здание на ночь закрывают...

Боря осклабился, услышав про кусты. Повёл взглядом по зарослям, уставился в сосны за больничным городком, и снова продолжил:

– Вы кончайте мне тут. Фёдор Ильич нам не зря доверяет – так что давайте. Поглядывайте тут без эксцессов...

Охранники отвернули глаза. Хорошо рассуждать, когда ты приехал и тут же уехал. Но когда ты торчишь в раскаленной от солнца стальной кибитке, тебе становится не до смеха.

Борис опять вошел в будку, огляделся.

– Прибрались маленько? – спросил.

Охранники в голос стали опять жаловаться. И кнопка шлагбаума у них тугая, и тумбочки у них нет, и плитка электрическая не работает, так что не служба, а совершенное испытание.

– Это мы щас... Посмотрим... Кнопка, говорите, тугая?

Боря присел к столу и с размаху ткнул пальцем в кнопку примитивного устройства. Но шлагбаум остался на месте.

– При Хрущеве делали кнопки... – гудели охранники. – Сильнее давить надо.

Боря поднатужился – устройство щелкнуло, и шлагбаум, дергаясь, поплыл вверх.

– Вот! Видели?! – обрадовался Боря. – А вы говорите – тугие...

– Сменщик уже придавил одного... Погладил по крыше – теперь будет платить, – не сдавались охранники.

Однако на все вопросы у Бори находились ответы. Сами виноваты. Надо быть серьезнее, требовательнее...

Боря на минуту задумался.

– Повезло больнице с главным врачом, – продолжил он, улыбаясь. – Фёдор Ильич у нас бизнесмен, предприниматель. Он установку новую для отделения реанимации за свой счет приобрел – в качестве шефской помощи.

– Он бы туалеты отремонтировал да деньги вовремя платил...

– Это не от него зависит. Он не волшебник. Он же сам от бюджета зависит.

Кажется, Боря готов был целовать благодетеля. На каждый довод «против» у него заранее был припасен довод «за». Короче говоря, не прожить частному охранному предприятию «Скорпион» без клиента по фамилии Непрокин.

Охранники замолчали. Бестолковая выходила дискуссии.

Сделав в журнале запись о проверке, начальство село в машину и убыло. К великой радости подчиненных.

Проводив начальство, охранники вошли в будку и продолжили разговор о наболевшем.

– Мы же ему еще рынки охраняем... ООО «Ланцет» называется, – просвещал старший младшего. – Боря взял с него мало – вот Непрокин и обрадовался, еще и больницу под охрану отдал. А также стоянки.

– Нашли, короче, друг друга... – согласился молодой, глядя в зеркало, прикрученное куском провода за окном на столбе. Благодаря этому нехитрому приспособлению удавалось наблюдать за дорогой, идущей от ЦГБ.

– Полетел опять куда-то, – оживился охранник, заметив в зеркале машину Непрокина.

Он торопливо нажал кнопку, шлагбаум поплыл кверху. Тяжелый японский внедорожник, волоча за собой пыль больничного двора, выскочил за ворота.

Пешеходы замерли по обочинам – вместо пешеходной дорожки торчит теперь угол магазина. Этот магазин додумались построить прямиком на углу, впритык к автобусной остановке, прихватив чуть не весь тротуар. И поставили шлагбаум. Теперь ходи и оглядывайся, откуда тебя зацепит – сверху или сбоку.

Глава 4

Безобразный какой-то сегодня день. Главный врач после обеда опять собрал совещание. Пришли даже те, кому на подобных совещаниях делать нечего. Народу в помещении – как селедок в бочке. Люди в белых халатах никак не поймут, для чего их сюда собрали. Может, подкрались события, о которых никто не догадывался? Проспали день великого перелома. На секирной горе.

Лазовский тоже явился, и сидел тихонько возле двери.

– Коротко говоря, – сказал Непрокин, бороздя глазами по столу. – Наши финансовые дела таковы, что надо принимать быстрые меры... Всем известно, в каких условиях мы существуем... Короче, сколько нам дадут – на столько мы и будем кукарекать.

Люди прижали уши. Они догадывались: административный гений придумал сокращение кадров или понижение должностных окладов.

– Надеюсь, хоть это не требует пояснений, – продолжал Непрокин. – У нас имеется более двухсот единиц технического персонала, – Каждый из них получает около десяти тысяч рублей. В среднем.

– А на руки семь выдают! – уточнила Люберцева.

– Помолчите, пожалуйста, – проблеял Непрокин. – Если каждый начнет, то это будет курятник, а не лечебное учреждение...

– А так-то у нас лебединое озеро! – крикнула Люберцева.

Непрокин боднул головой воздух, с шумом раскрыл ноздри и продолжил:

– Мы живем в новое время, мы обязаны обсудить этот вопрос, прежде чем я приму решение. Вопрос банален – это экономия денежных средств. У одних мы возьмем, чтобы другим жилось сносно. По-другому поступить мы не можем...

– У нас полы некому мыть! – напомнила Люберцева.

– Марина Аркадьевна, вопрос с вашей должностью тоже решен, так что молчите – для вас же лучше.

– А раз решен, тогда не затыкайте мне рот!..

Однако продолжить ей не дали. «Белые халаты» заговорили враз. И каждый не в пользу Марины Аркадьевны. И тут же замолчали, потому что Непрокин перекричал всех.

– Работайте! – орал он. – Пробивайтесь! Приносите в общую копилку – тогда и оклады вырастут!

В общем, свалил с больной головы на здоровую. Потом объявил, что вопрос об экономии денежных средств давно решен и обсуждению не подлежит. Затем перескочил на права человека, упомянул про демократию, президента страны и, наконец, замолчал, гордо оглядывая зал. Шевельнул головой еще раз туда-сюда, потянул носом, поправил под собой кресло.

«Зачем ему больница, – удивился Лазовский, – ведь у него же «Ланцет»?!

Люберцева кричала, поднимаясь над остальными:

– Да отстаньте вы от меня – всё равно я не сдамся! Вы думаете, что вас это не коснется... Ошибаетесь! Удав проглотит каждого, кто встанет у него на пути.

– Совещание окончено – можете расходиться! – заключил Непрокин.

Народ галдел. Непрокин жестикулировал руками. Каждый взмах руки – как удар весла по мокрой заднице.

«Вот и приехали, – обреченно подумал Лазовский. – Гад окончательно испортил всю атмосферу».

Народ толпился у двери. Некоторые недоумевали, для чего их оторвал от работы главный администратор. Ведь все финансовые вопросы он давно сам решил.

«Вечером надо обязательно нажраться, – думали другие. – Купить водки и пива, запеться у себя в кабинете, перемешать всё вместе и сосать потихоньку из горлышка, пока крыша не съедет...»

В последнем был точно уверен заведующий кожным отделением Гуляев. Не существовало в мире силы, способной переубедить доктора в обратном, поскольку Сергей Александрович был профессиональным алкоголиком.

Лазовский обогнал толпу, выскочил из здания и поспешил на остановку, надеясь успеть в Совет ветеранов, а также забежать по пути в адвокатскую палату. И он успел. Маршрутка остановилась на остановке ровно в четыре. А через десять минут он уже был в адвокатской палате, у стола, перед дамой лет тридцати.

– Мне документы сдать, – сказал он, – для поступления к вам адвокатом.

Однако ответ дамы поверг его в шок, поскольку, как оказалось, адвокатская палата адвокатов к себе не принимает.

– Но как же, я ведь юрист, – удивился Лазовский. – Служил... Имею стаж. У меня высшее образование, опыт...

– Не имеет значения, – упрямилась дама. – Вы не адвокат, и принять вас мы не можем.

– Но позвольте...

Лазовский окончательно упёрся в тупик.

– Надо подать заявление о допуске к экзаменам на статус адвоката, а уж потом, – говорила дама и тут же добавила: – Но при этом еще не факт, что вас к ним допустят. Вы же для нас, извините, никто. Так что пишите пока заявление.

Дама раскрыла папку, вынула оттуда лист и протянула Лазовскому.

– Напишите по образцу. У вас пять минут.

Она посмотрела на круглые часы, висящие на стене.

Лазовский присел к столу, написал заявление и передал его даме. Та пробежалась по нему глазами, приложила копии документов и поднялась из-за стола. Ее время истекло, она не желала больше задерживаться на рабочем месте.

Лазовский в удивлении качал головой. Интересная вышла картина. Вроде бы итог был один и тот же, но говорили они с дамой словно бы на разных языках.

Сбежав по ступеням к первому этажу, он выскочил из подъезда и направился в УВД – до него было каких-то всего метров пятьсот. И тоже успел вовремя. Совет в лице нескольких стариков и двух относительно молодых товарищей еще только рассаживался за длинным столом в кабинете на первом этаже. В торце стола сидел сухощавый тип по фамилии Семенов. На вид ему было лет семьдесят, хотя Лазовский точно знал, что Семенов давно тяготел к девяноста.

– А это кто у нас? – спросил Семенов. – Не Лазовский ли, извиняюсь.

– Так точно, – произнес Георгий.

– Присаживайтесь. Сейчас мы начнем. Проходите, Сидоров.

Лазовский обернулся и увидел средних лет мужика.

– Сидоров, бывший омоновец, подполковник, – представил его Семенов.

Рассевшись по местам, приглашенные устались в сторону Семенова, а тот, улыбаясь, начал повествовать про то, что у кого-то вверху возникла идея отстроить заново работу ветеранского Совета. По его словам выходило, что под это дело выделены финансовые средства – молодежь воспитывать, передавать им приобретенное за долгие годы службы, а короче – опыт. Кроме того, личным примером участвовать в охране общественного порядка. Поскольку, допустим, в отделе полиции № 2 всем составом ушло в декрет отделение по борьбе с правонарушениями среди несовершеннолетних.

– Вы представляете?! – воскликнул Семёнов. – Их всего там пять человек, и все в декрете. Так что некому даже на опорном пункте сидеть!

– А мы, значит, обязаны, – отозвался Сидоров. – Воспитывать молодежь, ходить по квартирам...

– Не утрируй, – перебил Семенов. – Мы не так много значим. Нам просто надо слегка помочь.

– Замечательно! – не сдавался Сидоров. – Они там отделом будут сопли жевать, а мы по квартирам шляться.

– Чего? – не понял Семенов.

– Ты в квартиру, а тебе в морду! – пояснил Сидоров. – У нас даже удостоверений нет. Кто мы для них? Несчастные пердуны.

– Прекрати! – Семенов вскинул ладонь. – Так можно всю идею обгадить. Думаешь, я не думал на эту тему?

И Семенов стал говорить про то, как можно оказать помощь. Совет всё равно обязан, поскольку об этом просит руководство. Сам министр, между прочим, приложил к этому руку.

– Это какой-то дурацкий эксперимент, – ворчал Сидоров. – Раньше мы были командой, когда служили, а теперь каждый из нас...

– Блуждающий форвард, – сказал Лазовский.

Глава 5

...Следующим утром в ворота ЦГБ вошла больничная «санитарка» и остановилась напротив распахнутой будки охраны. Средняя дверь отворилась: из салона смотрел Непрокин.

– Ты какого здесь хуя сидишь?! – гавкнул Фёдор Ильич. – Тебя для чего сюда поставили!..

Охранник не сдвинулся с места. Как сидел, так и продолжал сидеть в стареньком кресле.

– Где второй?! – ревел Непрокин.

– В обходе, – ответил охранник скрипучим голосом.

– Чтобы сейчас же! – орал Непрокин. – Ты понял меня?!

И снова матом. Вместо пальцев – сосиски. Тычет ими в сторону площади.

Охранник не шевелился.

– Чтобы сейчас же их там не было! Ты понял меня?! Мы с вашим директором условились! Вы обязаны мне помогать! Чтобы ни одной торговки за воротами – иначе полетите у меня!.. – лаял громадный пёс, похожий на человека.

«В кабину не умещается – потому и забрался в салон, – отрешенно думал охранник, продолжая молчать. – Несчастный человек...»

Непрокин хлопнул дверью, «санитарка» двинулась внутрь двора, волоча за собой выхлопные газы вперемешку с дорожной пылью.

У административного корпуса Непрокин велел остановиться, выбрался из машины, сразу сделав ее легче до полутора центнера, и направился в офис. Мимо сновали подчиненные. Завидев шефа, народ ускользал в боковые проёмы либо, упустив время, загодя кланялся и цедил:

– Доброе утро, Фёдор Ильич.

Фёдор Ильич, блестя очками, слабо кивал, продолжая путь. Дел у него с утра предстояло опять немало. Надлежало утрясти вопрос о сокращении кадров, поэтому, в первую очередь, следовало соблюсти юридическую процедуру.

Войдя к себе в офис, он велел секретарше решить этот вопрос, причем таким образом, чтобы никто к документам не подкопался.

– В смысле? – не поняла секретарша.

– Пригласи ко мне Порватову и юрисконсульта.

Секретарша убежала исполнять поручение, а Фёдор Ильич, распахнув настежь дверь кабинета, вошел внутрь, обошел стол и сел в кресло, наслаждаясь охлажденным воздухом кабинета.

Вскоре главная кадровичка Порватова и юрист Лазовский уже стояли перед Фёдором Ильичем в конце приставного стола.

– Приказы, – произнес Непрокин, глядя в монитор.

Порватова подошла ближе и протянула ему внушительную пачку бумажных листов.

Непрокин положил их перед собой и принялся изучать, листая один за другим.

– Где твоя подпись? – уставился он в Лазовского.

– Приказы идут с нарушениями, – произнес тот. – Во-первых, нарушены сроки, поскольку речь идет о сокращении. Во-вторых, нарушено правило о предоставлении списка вакансий, если таковые имеются. А вакансии, насколько мне известно, имеются...

– Не понял я! – Фёдор Ильич выкатил глаза. – Ты учить меня вздумал?!

– Надо предложить эти вакансии людям. Иначе приказы признают незаконными...

– Кто признает?

– Суд...

– Хорошо. Ступай, – велел Непрокин. – А вы останьтесь, – ткнул он в сторону Порватовой пухлым пальцем, словно она была не живым человеком, а компьютерной клавишей.

И когда Лазовский уже был в дверях, главный врач произнес ему в спину:

– Напомню тебе, если такой ты забывчивый: не надо строить из себя законника – подпиши и гуляй!

Георгий удивленно качнул головой и продолжил путь.

Оставив позади себя кадровичку Порватову и Непрокина, Георгий вышел в общий коридор, приблизился к своему кабинету и вошел внутрь. В голове у него был абсолютный сумбур. Сокращения штатов. Приказы. С признаками нарушений трудового права. Какие-то согласования, от которых тюрьмой несёт.

Георгий сел к столу, облокотился и тотчас вспомнил всё, что казалось давно забытым.

Если бы знать заранее, что именно так всё и будет, Гоша Лазовский не пришел бы сюда с собакой. Он придумал бы, как этого избежать. Теперь было поздно: его любимый Шарик висел на перекладине, а Тараканов обдирал его живым. Собака скулила, кусалась и ничего не могла поделать.

Георгию шел тогда восьмой год. Они еще жили в деревне. Мать тогда была замужем за Кузьмой Архипычем – пришлым мужиком, у которого в деревне была лишь сестра да ее сожитель Илья Тараканов, высокого роста и сильный.

Тараканов был любитель поспорить. Бывало, на спор с Кузьмой, велит Гошке ухватиться за большой палец руки, после чего поднимет и перенесет вокруг своей головы, словно гирию. Кузьма тоже возьмётся, обернет разок, покраснеет от натуги и поставит на землю. Слабоват в коленках, но не отступит в споре.

И надо же было такому случиться: Кузьма наладился в тот день к Тараканову, взял с собой Гошку. А где Гошка – там и Шарик.

Илья с Кузьмой вначале подвыпили, вышли во двор и тут, слово за слово, поспорили, что Тараканов живьем обдерет собаку. Какую? Да хотя бы вот Шарика...

Кузьме бы лучше не спорить, но где там! С пеной у рта он доказывал, что это никак невозможно, а когда до него дошло, то было поздно: собака висела под навесом на перекладине, головой вниз, а Тараканов, орудуя ножиком, сдирал с нее шкуру.

У Кузьмы мелко тряслись штаны. Лицо побледнело.

Гошка плакал, ненавидя обоих. Спорили бы на собственную шкуру, а то ведь на чужую. Разве же это справедливо?

Шарик дергался и зло скулил. Такого предательства от людей он не ожидал и пытался укусить. Тараканов приладил ему на морду сыромятный ремень и продолжил кровавое дело, заставив Кузьму держать за передние лапы.

Гошка метался рядом, просил не мучить собаку. В мокрых глазах у мальчишки ломался и прыгал мир, но его никто не хотел замечать, словно он был пустое место. Его оттолкнули, и теперь он стоял среди двора, униженный и заплаканный. Рядом с ним, усмехаясь, вертелся сын Таракановых, Федька. Этот Федька был младше Гошки. Он не плакал, ему почему-то было весело.

А вскоре всё было закончено. Шарика сняли с перекладины и положили на грязный пол. Несчастное животное едва скулило. На голове кожа осталась нетронутой. Остальная ее часть была подрезана и лежала теперь на шее толстым кровавым узлом.

Тараканов вытирал руки о холщовую тряпку. Из дома на крыльцо вышла тетка Мария, сверкнула глазами и вновь ушла.

– Теперь ты понял? – спросил Тараканов у Кузьмы.

Кузьма натянуто улыбался. Конечно, он понял. Какие могут быть слова, когда и так ясно, что проиграл.

– Теперь будешь знать...

– Я думал, ты шутишь, – мямлил Кузьма.

– Отнеси его в лес, – велел Тараканов.

Кузьма ничего не ответил, намотал себе на ладонь конец веревки и двинулся в огород, волоча за собой собаку – задом наперед, голым телом по комьям земли.

Собака устало скулила, Федька скакал рядом и шерился. Гошка шагал позади. Прощай, Шарик. Еще утром ты играл, радовался жизни, а теперь тебя нет. Кто после этого дядя Илья? Таракан и есть. И Федька у него такой же. Оба гады. И Кузьма, материн муж, такой же гад.

Втроем они подошли к задам, открыли калитку и вышли за огороды. За просторной поляной опускался низом пихтовник. У пихтача Кузьма остановился, закурил, потом ухватился обеими руками за веревку и рывком, наотмашь, бросил собаку в низину. Шарик при падении всхлипнул и навсегда замолчал.

«На пенек угодил», – подумал Гошка и снова заплакал. Он ничего не мог сделать с безжалостной сворой. У него не было сил бороться.

Кузьма бросил в траву папиросу, растоптал сапогом и пошел к огороду. Его племянник, Федька Тараканов, скакал следом, норовя ухватиться за руку.

...Женские голоса за дверью прогнали видение. Но образ Ильи Тараканова так и стоял в глазах. И тут вдруг подумалось, что Непрокин Фёдор Ильич чем-то напоминает Тараканова. И если б не разные фамилии, то всё совпало бы – тот же тяжелый взгляд, те же повадки. При этом выходит, что сын живодера – медик. По рассказам односельчан Федька вроде бы тоже куда-то поступал и где-то что-то закончил. Уж не медицинский ли?

Лазовский посмотрел на часы, потом поднял трубку и набрал номер.

– Адвокатская палата слушает, – сказал женский голос.

– Лазовский беспокоит. Как с моим заявлением?

– Вам отказано, – ответила дама. – У вас нет оснований претендовать...

Отказ был голословным, и Лазовский возмутился. Однако дама не захотела его слушать, сославшись на занятость.

Лазовский вновь набрал номер и продолжил доказывать свою правоту.

– У вас отсутствует необходимый стаж, – стояла на своем дама. – Согласно справке УВД, вы занимали должность старшего дознавателя. Из этого следует...

– Из этого ничего не следует, – оборвал ее Лазовский. – Я занимал не только эту должность, но и служил в ОМОНе, а также был следователем...

– Вы были дознавателем... Впрочем, приезжайте к президенту и задавайте ему свои вопросы...

– Надеюсь, не к президенту страны?

– К президенту адвокатской палаты. Сегодня его уже нет, так что завтра, пожалуйста.

Гусев с Телегиным ходили по отделу полиции, заглядывая по пути в кабинеты, и в коридоре столкнулись с Брызгаловым. Тот сразу разинул рот.

– Вам что – делать нечего?! Бродите, как сладкая парочка! У тебя что, Телегин, все преступления раскрыты?

Телегин молчал.

– А ты, Гусев? Ты же следователь! У тебя дела плачут в сейфе...

– Мы деньги собираем, – произнес Гусев и добавил: – С вас причитается, товарищ полковник...

– Чего?!

– Он же работал у нас, Барабанов...

– Ты еще будешь меня учить?! Кто ты такой?!

– А ты? – удивился Гусев.

– Нет, ты скажи, кто ты такой?!

– А ты кто такой?

– Нет, кто ты такой, а?!

Мимо сновали сотрудники. Концерт с участием начальника и сладкой парочки набирал обороты и грозил перерасти в побоище, поскольку Брызгалов уже начал махать руками перед носом у Гусева, а затем уцепил его пятерней за лацкан пиджака.

– Клешни убери...

Следователь перехватил ладонь Брызгалова.

– С вас сто рублей, товарищ полковник, – напомнил Телегин и протянул руку.

– Чтоб сегодня же духу вашего не было в отделе! – орал полковник.

Развернувшись, он шагнул коридором к выходу.

Жил-был мужик. И вдруг не стало его. Гусев с Телегиным таращились на свежий могильный холмик, на котором рабочие устанавливали деревянный крест. Оглянувшись, Гусев заметил Лазовского и молча кивнул ему. А потом подошел и заговорил – где работаешь, как живешь...

– Живу, – ответил Георгий. – Сам-то как?

– Если сказать хорошо – не поверишь...

– И всё же.

– Существоем помаленьку.

Телегин приблизился к ним и протянул руку Лазовскому.

– Если б они подменили его, то он был бы жив... – продолжил Гусев. – Дежурный виноват. Представь, ты дежуришь в изоляторе, а тебе привозят родного сына...

Народ тем временем потянулся к выходу с кладбища. Лазовский знал старшину Барабанова с первых дней службы. Оба они поступили тогда в милицию на должности рядовых милиционеров и вместе патрулировали – в пешем порядке или на машине. Потом Георгий поступил в юридический, и пути их разошлись.

– В голове не укладывается, – ворчал Телегин. – Он же в нашем отделе работал, в дежурке пахал...

– Игин с Брызгаловым – те еще черти, – рассказывал Гусев. – Ты должен их помнить... Они в старом городе работали... Короче, умные мужики уходят, прихвостни остаются – вот тебе и реформа. Так что решили мы, что лучше самим уйти. Место под солнцем всегда найдется.

– Завтра в кадры – и гуд бай, амигос! – воскликнул Телегин. – Можно создать своё предприятие, детективное агентство... Или адвокатский кабинет, например.

Лазовский сморщил губы.

– Уйти, конечно, можно, если приспичило. Но я бы, например, не спешил, – принялся он рассуждать. – Я бы все-таки отслужил. Лет двадцать. А потом гуляй себе на пенсии.

Но его никто не слушал. Этим двоим казалось, что гражданское общество ждет их с распростертыми объятьями – стоит лишь влиться в него. Ведь на гражданке такие громадные возможности! Можно стать детективом, а можно податьсь в адвокаты.

– Не спорю, – продолжал Георгий. – Можно создать детективное агентство. – Но для этого потребуется лицензия той же полиции. Дадут вам лицензию при таком раскладе? Так что я бы советовал отработать сначала. Всё-таки хоть какая-то привилегия. В смысле, пенсия...

– Ты не знаешь Брызгалова! – Гусев сплюнул. – Он ни черта не смыслит. А теперь вошел во вкус. Так что я для себя уже решил...

– Я тоже, – сказал Телегин.

– Я тоже ухожу от Непрокина, – вздохнул Лазовский. – Уже документы подал в адвокатскую палату.

– Тебе проще, – согласился Телегин. – У тебя есть возможность маневра...

– Вот именно! Так что я не советовал бы...

– Он копает под нас, так что по-хорошему вряд ли удастся.

За оградой возле ворот людей поджидал огромный автобус. Они подошли к нему, поднялись внутрь и вскоре сидели за общим столом в арендованной по этому случаю столовой.

Глава 6

Назавтра, после работы, Лазовский сидел у себя дома, разбирая принесенные с работы копии документов. Он смотрел на бумажные листы, и не мог понять содержание.

– Походит на какой-то язык, а понять не могу, – бормотал он. – Точно, не обойтись без специалиста.

Жена Ирина пока что пыталась молчать, глядя на страдания мужа. Вбил себе в голову, что у него за спиной затевают интригу. Но так ведь и тронуться можно. Раз подумал, два подумал... Потом оно само собой покатится – и нет человека.

– Успокойся, Жора, – не выдержала супруга. – С утра считаешь – может, поймешь...

– Ты что же, думаешь, в моей голове с утра будет больше опилок?!

– Не так скажи. – Ирина села в кресло напротив. – У меня и то с утра голова лучше варит.

– Специалист нужен! Лингвист!

– Какой лингвист! – воскликнула Ирина. – Ты где работаешь, чудик?!

– Сама ты...

– Кто писал, тот и пусть читает! – не сдавалась Ирина. – Что? У вас нет там начальства, что ли?

– Есть, – ответил Георгий. – Главный лекарь ему фамилия. С шилом в заднице. Сидит в кабинете, спать никому не дает...

Ирина усмехнулась.

– Вечно ты шутишь, Жора...

– Допустим, вот это слово мне понятно, – сказал Лазовский. – Трансплантологией называется. Но при чем здесь этот вид деятельности, когда в ЦГБ последний хрен доедают. Выходит, расширяться надумали. Но это значит, что будут дополнительные субсидии. Надо спросить у него.

Лазовский шевельнулся в кресле. Сказал «спросить», но как это сделать – не подумал.

– И точно, – сказал он тихо. – Надо пока молчать и тихонько рыть. Хотя бы ради спортивного интереса.

– Что-то серьезное? – спросила жена.

– Не то слово, – ответил Георгий. – Чует сердце, плохое задумал. Кстати, ты помнишь Федьку Тараканова, который в деревне у нас жил. Их два брата было...

– Ещё бы не помнить... И что?

– Кажись, он же медиком стал... Папа собак обдирал – сынок в эскулапы подался...

Лазовский собрал листы, подошел к книжному шкафу, вынул один из томов словаря русского языка на букву «Н», вложил в середину книги и захлопнул. Потом поставил на привычное место. Пусть роются, если хотят. Да и кому придет в голову лезть в квартиру. Он же полнейший инкогнито.

Лазовский замер у шкафа. Люберцева Марина Аркадьевна. Заведующая отделением. Поросёнок сожрёт её с потрохами, как слопал до этого еще двоих, сославшись на то, что те брали взятки с клиентов.

Внедорожник уверенно держал дорогу. В машине сидели Непрокин, начальник полиции Брызгалов, а также Игин. Путь их лежал подальше от города – к тихой заводи. Машину вел персональный водитель Непрокина, сухопарый мужик лет пятидесяти.

Непрокин сидел впереди. Брызгалов с Игиным расположились на заднем сиденье.

Водитель прибавил скорость.

– Не спеши, Витя, – осадил его Непрокин.

- Вы же сами сказали, что побыстрее, – огрызнулся тот.
- Всё равно не спеши, – повторил Непрокин.
- Обернувшись к Брызгалову, он продолжил разговор:
- Короче, жили-были два друга. Один ничего себе, а другой петый дурак.
- В смысле? – не понял Брызгалов.
- Закинул наживку, как ты подсказал, – он и клюнул.
- Вот и славненько! – воскликнул Игин.
- Осталось уволить...
- Гуляй, Жора, ешь опилки, – добавил Брызгалов.
- Я начальник лесопилки! – закончил за него Игин.

Притормозив на шоссе, они свернули с дороги и пошли под откос проселком, углубляясь среди леса. Вскоре показалась река, запахло свежестью, а дорога сделалась еще круче. Водитель сбавил скорость, опустил впадиной к берегу, въехал под крону раскидистой ивы.

– Приплыли, – сказал водитель.

Выйдя из машины, он открыл заднюю дверь и принялся разгружать рыболовные снасти, продукты питания и прочие предметы, среди которых были бутылки с водкой, пивом, а также шампанским.

Пассажиры бродили теперь по округе, тычась по углам. Место им было давно знакомо. Одно беспокоило: поодаль стояла чья-то «Приора», возле которой валялись в песке мужик в годах и баба лет тридцати.

Непрокин сморщил лицо, глядя в сторону отдыхающих. Соседи явно его не устраивали, и это не ускользнуло от внимания Брызгалова.

– Щас устроим, – сказал он. И к Игину: – Разберись с голубями.

Игин понятиливо кивнул, поправил на животе оперативную кобуру и, позвав за собой водителя, направился к «Приоре». А вскоре отдыхающие уже собирались. Сели в машину и тихо смылись.

Гаврилов следом за ними выдвинул из кустов массивную жердь, поместил поперек дороги в древесных рогатках. Затем вернулся к машине, взял оттуда дорожный знак с изображением кирпича и примотал куском провода к «шлагбауму».

Не успел он вернуться к машине, как раздался сигнал машины: перед «шлагбаумом» стояла черная иномарка. Водитель обернулся в сторону Брызгалова, тот приветственно махал обеими руками.

– Открывай, быстрее! – приказал он водителю.

И водитель бросился убирать заграждение. Пропустив машину, он пристроил жердь на прежнее место и вернулся к компании. Прибывшим оказался Брызгаловский заместитель Круча. Одних с ним лет, кучерявый плотный мужик.

– Рыбалка – святое дело, – бормотал он, выползая из машины. – Где бредень?

Водитель молча распутывал сеть.

– Может, потом? – спросил Непрокин. – Может, сначала это?

Он изобразил фигуру из мизинца и большого пальца, но никто его не послушал. Бредень был расправлен и лежал на песке. Осталось зайти с ним в реку и выйти к берегу. Они так и сделали. Командовал водитель, согласуя движения непослушной команды. И вскоре мотня у бредня оказалась забита трепещущей рыбой: здесь оказалось несколько шук, множество мелкой рыбешки и пара внушительных стерлядей.

Рыбаков от холодной воды трясло.

– Налейте скорей! – орал Непрокин. – Иначе я окочурюсь!

Водитель торопливо выбрал рыбу, кидая ее в ведро, смотал бредень и убрал в машину.

Возле машины стоял раскладной столик, на нем лежала закуска. Игин разливал водку в стаканчики. Оставалось заварить уху.

- Давно не хлебал ухи, – бормотал Круча.
- Иди сюда, Виктор, – позвал водителя Брызгалов.

Тот присоединился к компании. Он знал их всех давно, поскольку сам выходил из полицейских рядов. Он заранее знал даже то, о чем будет у них разговор. И не ошибся: начальство разговорилось о трудной судьбе чиновника, о личном предназначении. Вспомнили о недавних событиях – о том, как в соседнем регионе трое придурков в полицейской форме допрашивали подозреваемого, после чего тот скончался.

Непрокин встрепенулся, торопливо закусывая. – Они же его изнасиловали. Бутылкой шампанского...

– Слава богу, не у нас, – назидательно произнес Брызгалов.

– Ребята попали не в ту комнату и не в то время, – сказал Игин. – Потому их и взяли в оборот.

– В смысле, если сильно захотеть, можно каждого посадить. У меня у самого таких оперов хватает, – говорил Брызгалов, глядя в сторону водителя.

Тот наскоро закусил и занялся ухой. Разжег походную газовую плиту, поставил кастрюлю с водой и принялся чистить рыбу. Задача у него была простая: молчать в тряпочку.

«Званием вот только не вышел», – думал он про себя в третьем лице.

Брызгалов пел всё о том же. Как трудно быть начальникам в современных условиях.

– У меня, – говорил он, – оппозиция завелась. Телегин с Гусевым... Эти хуже казанских будут, которые с бутылкой. Говорить много стали...

– Отдел на дыбы подняли из-за одного старшины... – вставил Игин.

– А кто он такой, этот старшина? – спросил Непрокин.

– Саня Барабанов, – пояснил Брызгалов. – В РОВД у нас раньше работал, а потом в ИВС перевелся. После дежурства сменился, приехал домой и помер...

– В неудобном месте, – добавил Круча.

– На горшке, – уточнил Игин.

– А этим чё надо? – спросил Непрокин.

– Политический капитал хотят заработать...

Брызгалов вдруг хлопнул в ладони и перешел на другую тему:

– Хорошо здесь, ребята, а?! Просто не верится, что такие места у нас под рукой!

– И ты будешь их терпеть? – вернул его к прежней теме Непрокин.

– С чего ты взял? – удивился Брызгалов. – Они уже в кадрах... У нас с этим делом теперь строго. Трудовую в зубы – и вперед с песней. Реформа МВД – это не в бирюльки играть...

Глава 7

«Махали топором весь двадцатый век и сейчас машут им», – бормотал какой-то деятель вечером по ТВ. Лазовский запомнил фразу, а утром вспомнил, сидя в троллейбусе. По-другому не скажешь. Действительно, махали...

«Однако придется откопать его вновь, этот топор», – подумал Георгий, шагая к ЦГБ мимо будки охраны. Транспорт вперемешку с пешеходами двигался сплошным потоком, так что охраннику надлежало быть оперативным. Георгий присмотрелся и узнал в охраннике Снопкова. Та же сухая улыбка, та же тощая фигура. Вместо волос – та же «солома».

Лазовский шагнул в будку, остановился у распахнутой двери. Охранник вскользь посмотрел на него и отвернулся, косясь в сторону зеркала на столбе.

– Здравствуй, Снопков, – сказал Лазовский.

– Приветствую, – ответил тот, поглядывая в окно. В руке у него был сучок с тупыми концами и остатками кожуры.

– Причуды замкнутого пространства, – продолжил Георгий. – Обязательно встретишь знакомого человека... Кстати, ты помнил Барабанова Саню?

Снопков насторожился:

– Что значит, помнил?

– Вчера схоронили. Представь, привезли к ним задержанного, а это его сын.

– Скоты, – произнес Снопков.

Вдавлив кнопку сучком, он поднял шлагбаум кверху и оставил в таком положении.

– Идем на улицу, жарко здесь... – сказал он и поднялся из кресла.

Они вышли из будки и в тени сели на лавочку. Снопков тупо смотрел в сторону пешеходов. На территорию ЦГБ двигался персонал, родственники больных, а также транспорт. Вся эта масса двигалась единым потоком, так что отделить одно от другого не было никакой возможности.

– Какими судьбами? – спросил Снопков.

– Работаю здесь, – ответил Лазовский, – юристом.

– А у нас здесь ты видишь, что творится. Взяли и сузили дорогу.... Но не это главное. Оказывается, я еще должен старух гонять на площади, чтоб не торговали. Нет, ну я видел, идиотов, но чтобы таких. А то, что в пешеходные воротца пройти этой толпе невозможно, так это его не волнует...

Поговорив минут пять, бывшие сослуживцы распрощались, и Лазовский направился к себе в кабинет.

«Скроюсь. Уйду в параллельный мир, – дурашливо думал он, отмахиваясь от навязчивых мыслей. – Иначе нас погубит желание делать всё самим... Существуют органы, которым и карты в руки. Пришел. Увидел. Надел наручники. А так-то оно, если самому всё делать, шею можно свернуть... Коля Снопков только что пришел, а уже своему директору собрался звонить... «В гробу, – говорит, – видал ваш объект...» И действительно, если бы не трудности жизни, разве пошел бы он в охранники (считай, в сторожа)? Каково ему было слышать от Непрокина – какого ты здесь сидишь!» Какого надо, такого и сидит...

Лазовский надеялся, что в кабинете настроение улучшится. Однако стоило войти в вестибюль, как навстречу бросилась главная кадровичка Порватова (специально, видать, караулила) и, ухватив за рукав, чуть не силой повела к себе в кабинет.

– Приказик у меня для вас, – чирикала она, нервно зевая.

– Что случилось? Откуда такая спешка?..

– В кабинете всё объясню, – торопила Порватова. – Сами понимаете... Зыбь, рябь. Короче, девятый вал...

- Опять сокращения? – спросил Лазовский.
- Выходит, что так. Боюсь, что следующей буду я. Он и Люберцеву, кандидата наук, задвинул...
- Где он сейчас? На месте?
- Оказалось, Непрокин на работе отсутствует.
- Гад ползучий, – выдохнул Георгий.
- Порватова едва не рыдала. Её пока что не трогали, но тучи и над ней потихоньку сгущались.
- Одно не пойму, – удивлялась она. – Для чего ему ЦГБ?
- Вот и мне непонятно. Деньги, которые он по должности здесь получает – курам на смех по сравнению с доходами от бизнеса.
- Именно! – согласилась Порватова.
- Удивляться было чему. При старом главном враче всё было иначе. Ходили на работу, получали зарплату и потихоньку лечили народ.
- Марину убрал – это совесть надо совсем потерять...
- За что он ее? Она спрашивала?
- «Не хочешь, – говорит, – добровольно, я тебе взятки пришью – ты только мне скажи, когда пришить...»
- Вот даже как?
- Та и замочла. «И сказать, – говорит, – ничего не могу – только слезы текут... Значит, – говорит, – ему надо, чтобы вместо меня другой человек стоял...»
- Лазовский и Порватова повернули за угол и вошли в кабинет с убогой черной табличкой «Отдел кадров». Сотрудница, лет тридцати, оторвала взгляд от монитора и поздоровалась с Лазовским. И вновь опустила голову, шелкая клавиатурой.
- Вы все-таки мужчина – не пропадете, – говорила Порватова. – На худой конец – пенсия. Вы же отставник. А этот всех снимет... И своих назначит...
- Так меня, выходит, за ворота? – спросил Лазовский, живо соображая.
- Ну да, – развела руками Порватова.
- Она вынула из стола несколько бумажных листов и протянула Лазовскому.
- Тут все бумаги, – пояснила она. – И приказ о предстоящем увольнении в связи с сокращением кадров, и акт об ознакомлении с правами. И даже список вакансий по нашему учреждению. Слесарем-сантехником, если вас устроит...
- Не имею такой специальности. – Лазовский сплющил губы. – Но я даже рад. Я словно плавал в дерьме и вдруг почувствовал опору.
- Вот и хорошо, – сказала Порватова.
- Лазовский присел за свободный стол. Расписался в документах.
- Но это лишь через два месяца, а пока вам надо ходить на работу, – напомнила Порватова. – В общем – все как обычно, иначе будет прогул. Вы уж постарайтесь. Договорились?
- Лазовский отвернулся к окну, качая головой. Юристу ли не знать о последствиях нарушений закона. Впрочем, его слегка начинало трясти.
- Два месяца, говорите? – спросил он. – А для чего? Чтобы я у него под ногами болтался? Чтобы каждый день он ноги об меня вытирал?
- Порватова тряхнула головой. Молча. Как лошадь в стойле.
- А если юрист не желает? – продолжил Георгий.
- Он поднялся из-за стола и, не оглядываясь, пошел из кабинета. Два месяца работать – это уж слишком. На всех парах он прошел коридором к офису Непрокина, дернул створку «предбанника» и глянул в сторону секретарши.
- Прибыл?
- Фёдор Ильич занят!

Секретарша вскочила из-за стола, пытаясь преградить путь, однако Лазовский опередил, словно его за дверью давно поджидали.

Непрокин оказался в кабинете один.

– Здравия желаю, Фёдор Ильич! – произнес Лазовский. – А говорили, вы заняты...

– Что надо? – буркнул тот, пялясь в компьютер.

– Вы меня сокращаете?

– Вы правильно поняли. Через два месяца вас уволят. Идите, работайте...

– А если я не хочу, допустим? – отчетливо произнес Лазовский. И удивился, как быстро отрезал пути для маневра.

Непрокин оторвал взгляд от монитора.

– Бунт на корабле – или я ослышался? А ну, повтори.

– Ты не ослышался, а я не люблю повторять. – Георгий посмотрел на настенные часы. – Считай, у тебя нет юриста.

– Ну и ступай! – каркнул Непрокин. – Какого ты здесь стоишь...

Главный врач выразился так же, как до этого у шлагбаума.

– И на том спасибо, – улыбнулся Лазовский, – а то растянул себе удовольствие на два месяца. Мы же убьем друг друга. Спасибо, что ответил взаимностью.

Непрокин зло двигал губами. Он был готов проглотить юриста вместе с его башмаками, однако молчал. Кроме хамства, как видно, в голову ничего не лезло.

– Хочешь, скажу напоследок? – спросил Лазовский. И тут же продолжил: – Несчастный ты человек, Федя. И, главное, некому тебе об этом сказать, а сам ты не догадаешься. По причине упрямства... – Лазовский взялся за ручку двери: – Гуд бай, бэби. Большой мальчик по имени Федя.

Непрокин шевелил губами. Он обозлился до такой степени, что вспотели даже очки в прохладном кабинете.

– Пока, – махнул ладошкой Лазовский. – Я еще загляну...

– Жора... – шевельнул вслед губами Непрокин. – А ну постой...

Дверь за юристом закрылась, а главный врач всё шевелил губами, царапая взглядом дверь. Потом полез в стол за таблетками.

Не успел он проглотить таблетку, как в дверях вновь появился Лазовский с заявлением в руках.

– Зря я тебя взял. Каюсь... – ворчал Непрокин, подписывая заявление. – Зря надеялся...

Забрав у Непрокина заявление, Лазовский отнес его в отдел кадров, после чего устремился к выходу из здания. Его ждал президент адвокатской палаты, с которым надлежало решить проблему трудоустройства.

На дорогу ушёл битый час. Поднявшись на третий этаж старинного особняка, Лазовский вошел в коридор. Противоположная дверь оказалась открыта, был виден длинный стол, за которым сидела управляющая делами адвокатской палаты. Лазовский кивнул ей, собираясь пройти мимо, однако дама остановила его.

– Президента нет на месте, – сообщила она. – Распишитесь, пожалуйста. Вам отказано в допуске к экзаменам...

Лазовский вошел к ней и стал читать бумагу, в которой черным по белому сообщалось, что соискатель Лазовский Г.М. не может претендовать на статус адвоката, поскольку не имеет достаточного стажа для допуска к экзаменам.

– Вы же сказали мне, что он меня примет, Зачёсов... Мы же с ним договорились, – удивился Лазовский. – Он же мне обещал...

Однако все слова Лазовского оказались для Юлии Николаевны лишь сотрясением воздуха.

– Я не согласен, – бормотал Георгий. – Вы что-то напутали...

– Я?! – удивилась дама. – В документе четко сказано!.. Читайте, анализируйте. Вы не имеете права...

Назавтра охранник Снопков и бывший юрисконсульт Лазовский сидели в кабинете и форменным образом выпивали. Снопков только что сменился. Лазовский ему заранее позвонил на проходную и позвал к себе. А когда тот пришел, то Лазовский рассказал ему о постигшей его неудаче.

– Бывших юристов не бывает, – утверждал Лазовский. – Бывшие юрисконсульты – бывают. Прикинь, он даже мое заявление ручкой проткнул от усердия, когда подписывал...

– Полностью с тобой согласен. Едет и орёт: «Убери нахуй этих старух!..» А всё потому, что они ж его конкуренты в торговле... У него же магазин к остановке прилеплен – вдоль тротуара...

– Нельзя мне с ним встречаться, – бурлил Лазовский. – Короткое замыкание может случиться. Он родился таким. Маленькая такая сволочь. Маленький... Подленький малыш...

– Говорят, он был сильным специалистом, оперировал людей, – рассуждал Снопков. – А теперь орет: «Почему старухи на площади?!»

– А я что говорю?! Отморозок – вот и весь Федя. У нас в деревне такой был... Маленький такой сволота. Папа у него живьем собак обдирал – представляешь?

– Да ты что? – Снопков таращил глаза, не веря ушам. – Серьезно?

– На моих глазах. Вспомнил вчера – мороз по коже.

Георгий наполнил рюмки. Они подняли и выпили.

– Бросай ты эту юриспруденцию, – говорил Снопков. – Можно свое предприятие соорудить. Охранное... Давай вместе, а то мне одному не вытянуть...

– Извини, – отвечал, закусывая, Лазовский. – Я пока что подумаю. Хотя, если разобраться, идея хорошая – создать охранное предприятие. Чтобы ни от кого не зависеть, кроме налоговой. Впрочем, еще не всё потеряно. Я обжалую их решение...

– В смысле?

– Мне отказали в допуске к экзаменам... На статус адвоката. А я обжалую это решение. В Ленинский суд... У меня, говорят, стажа нет юридического... Хочешь, я тебе иск покажу?

Лазовский взял со стола папку, вынул оттуда пару листов с отпечатанным текстом и протянул Снопкову.

– Читай, Коля.

– Много написано, – побежал тот глазами по тексту. – Даже в глазах рябит...

– Так положено. По почте pošлю сегодня...

В городе с наступлением лета установилась жара, так что Непрокин с товарищами из полиции частенько навещался на Пальцинский остров. Когда-то здесь была деревня Пальцино, но с приходом водохранилища ее затопило, как затопило Тургенево, Крестовые Городищи, Алексеевку, Петровку и прочие безвинные деревеньки. Они дружно ушли под воду, а Пальцинский остров среди Волги остался, став памятником природы.

Отдыхающие, в компании девиц, валялись в песке. Вокруг ни души, только сосновый лес на возвышении, травы и птицы. И море воды.

– Вот где коттедж построить, – мечтал Непрокин, глядя вдаль. – Тишина. Покой. И никого...

– Здесь даже количество туристов ограничено, – осадил его Брызгалов. – Здесь памятник природы. Одновременно здесь могут быть не более двадцати человек...

– Кто их считать-то будет?! – удивился Непрокин. – Здесь же шаром покати. Пустыня...

– Здесь есть хохотун, – произнес Брызгалов, косясь в сторону леса. – Как начнет хохотать...

– Еще кто такой? – насторожился Непрокин.

– Чайка такая, – ухмыльнулся Брызгалов. – Летит и хохочет.

– Ну и хрен с ней, – успокоился Непрокин. – Чайки, утки, скворечники... Вот решу вопрос с депутатством, а там посмотрим.

Он поднялся, отряхнул песок с живота, затем ухватил за руку одну из девиц, поднял с песка и, обнимая, поплелся в тальниковые заросли. Вскоре оттуда послышались возгласы: девица визжала с перерывами.

– Разошелся наш кабан, – усмехнулся Брызгалов.

А тот, закончив дела, вышел из кустов и направился к воде. Окунулся с головой, вернулся к товарищам, лег и тут же захрапел. И тотчас проснулся:

– Надоело! Уйду в министры!..

– Зачем тебе? – удивился Брызгалов. – У тебя же «Ланцет».

– Это политика, дорогой мой.

– Шел бы в мэры...

– Юрист этот еще... Он мне всю обедню испортил. И всё по твоей прихоти. «Прими. Он надежный. Ему надо где-то работать...» Вот и наработали... Вмиг изгадил.

– Забудь, – отмахнулся Брызгалов. – Ты его уволил.

– Он мент.

– Ошибаешься. Я – мент. А он теперь никто.

– Это он раньше что-то значил, – подключился Игин, разливая вино. Бокалы стояли на низеньком столике в окружении фруктов.

– А я знаю своё! – воскликнул Непрокин. – Эта сволочь не успокоится! – У меня оперативные сведения! Он лазил ко мне в конверт...

– Надеюсь, ты не подсунул ему настоящие документы? – спросил Брызгалов.

Непрокин приподнялся, сел в песок и задумался. Затем хлопнул себя ладонью в лоб.

– К сожалению, это факт, – произнес он в унынии. – До меня только сейчас дошло: там же протокол о намерениях, проекты договоров... Если, допустим, он их скопировал. И если даст им ход...

– Это при старом режиме, – успокоил его Брызгалов. – Теперь у нас иные стандарты...

Непрокин, глядя в песок и продолжая мотать головой, потянулся рукой к столу и опрокинул наполненный бокал.

– Приплыли, – подвёл он черту. – Не к добру это...

Лазовский не шутил, утверждая, что подаст в суд на адвокатскую палату. Сказано – сделано. Подготовив окончательный вариант искового заявления, он пришел на почту и отправил документ заказным письмом, предварительно оплатив госпошлину.

И вот настал момент, когда Георгий явился в суд в назначенный срок. Интересы адвокатской палаты представлял вице-президент Сапунов, красноречивый толстый мужик в темном костюме, белой рубашке и галстуке. Что характерно, Георгий знал этого деятеля по службе в полиции, однако это никак не повлияло на поведение «вице»: Сапунов стоял на своем: не может адвокатская палата допустить Лазовского к экзаменам – и вся недолга! Он не внимал даже доводам судьи.

– Я никак не пойму вас, – говорил ему судья, молодой человек лет тридцати. – Я и сам работал юрисконсультom. И мне это засчитали, когда я претендовал на должность. У вас же в законе написано. У него стаж. Он же следователем работал...

– Правильно, работал, – соглашался Сапунов, – но не следователем, а дознавателем. У него не хватает стажа...

– У меня свидетель, – заявил Лазовский. – Прошу его допросить.

Судья согласился с просьбой Лазовского.

Саня Гусев вошел в кабинет и дал показания: Лазовского знает давно, Лазовский работал следователем, Лазовский когда-то учил его, молодого, подсказывал. Он распахнул папку, вынул оттуда пару листов бумаги с машинописным текстом и подал суду.

– Обратите внимание на фамилию следователя, ваша честь, – сказал он.

Документом оказалось обвинительное заключение, подписанное Лазовским.

– Что характерно, – продолжал Гусев. – Документ согласован прокурором, имеются печати и подписи. На тот момент Лазовский, выходит, исполнял обязанности следователя, и никого это не волновало. Другое дело, что по линии отдела кадров он почему-то числился в отделении дознания. Я прошу обратить на это внимание.

В результате судебного разбирательства в этот же день судья Нефедов признал незаконным решение адвокатской палаты об отказе в допуске Лазовского к экзамену. Законность восстановилась. Представитель адвокатской палаты натянуто улыбался.

– Ничего не поделаешь, – бормотал он, – такова практика. Я и сам когда-то ушел из милиции, хотя мог бы до пенсии. Но не дослужил...

Лазовский не держал на него зла. Представитель исполнял наставления президента палаты, а тот, как видно, чьи-то ещё. Впрочем, могло быть намного проще. Оба они оказались заложниками буквы закона, забыв при этом о его духе.

А вот и день экзаменов наступил. Надлежало ответить всего лишь на несколько вопросов из почти шестисот экзаменационных билетов. Лазовский уверенно ответил на все, однако президент палаты в присутствии членов комиссии, состоящей, в том числе, из судей, стал задавать вопросы. Его интересовал Европейский суд по правам человека. Однако и на эти вопросы Лазовский ответил, после чего был удален из зала.

Потом его вновь пригласили и объявили, что экзамен сдан, что надлежит после этого принять присягу на верность. Вице-президент Сапунов шипел на ухо, что в принятии решения большую роль сыграло решение суда, о котором он якобы рассказал экзаменаторам, и что если бы не тяжба, выигранная Георгием, то неизвестно, какое бы решение вынесла квалификационная комиссия, поскольку Лазовский на последнем вопросе вроде как провалился.

Это были очевидные бредни. Однако Лазовский промолчал, твёрдо решив для себя: «Пусть это будет на вашей совести, господа президенты...»

– Они как услышали, что ты выиграл у нас процесс, – повторял Сапунов, так сразу проголосовали... Короче, одно к одному.

А еще через неделю Георгия вызвали в управление юстиции и выдали удостоверение адвоката.

– Вы не имеете права работать по трудовым договорам, кроме преподавательской, научной и творческой деятельности, – напутствовали Лазовского в адвокатской палате.

– Спасибо, обрадовали, – нашелся тот.

Глава 8

Несмотря на Закон, запрещающий адвокату работу по совместительству, Лазовский, став адвокатом, продолжал работать в охране – туда его притащил после сокращения из ЦГБ Снопков Николай. Клиентов у Георгия еще не было пока никаких, а жить на одну пенсию он не желал.

– Имею право, – говорил он супруге Ирине. – Мне наша конституция позволяет, а закон об адвокатуре противоречит ей, так что я не буду спешить с увольнением.

В охране Лазовский стал работать с присущей ему серьезностью и сразу понял, что нет ничего унижительнее, чем охранять чужие ворота. Он дежурил на третьем посту на заводе по производству отопительных котлов. Здесь располагалась и контора частного охранного предприятия «Скорпион». Одно было плохо: пост считался подменным, отсюда часто забирали охранника, чтобы подменить на более важном посту.

Однажды он вновь заступил на этот пост. Однако после обеда его перебросили на пост по охране элитного садоводческого товарищества. Здесь кругом по округе виднелись особняки.

Как выяснилось, проезжал здесь утром директор завода, и чем-то ему не понравился охранник, стоявший возле будки у въезда в поселок. Фигурой, может, не вышел. Впрочем, фигуру он имел отменную, метр восемьдесят.

Лазовский принял КПП под охрану. Здесь надлежало вручную поднимать и опускать трос, закрепленный поперек дороги. На тросу оказались надеты для веса массивные гайки. Подъехала машина – опусти, потом вновь подними. И так до бесконечности. Однако было непонятно, для чего поднимать эти «бусы», если машины двигались бесконечной чередой.

А вскоре у Лазовского уже скрипела пыль на зубах. Она была и в глазах, и они с трудом отворялись. Но он продолжал нести вахту. Просто стоял и хлопал глазами, как дурачок на чужих именинах. А люди всё ехали и ехали. Туда и обратно. На «Пежо», «Мерседесах» и прочих авто.

У въезда помещалось в низине летнее кафе под навесом. Какой-то мажор, развернув машину к низине, открыл заднюю дверь и включил музыку. И вскоре Георгий ошалел от звуков, потому что гремело одно и то же.

По небу тянулись кудрявые облака, гремела музыка, клубилась пыль, и всё это не вязалось друг с другом.

Вечерело. Лазовский стоял у будки, одинокий, как прыщ. Весь мир, казалось, отвернулся от него.

Солнце, наконец, село за лес, сделалось прохладнее, но полез из всех щелей комар.

«Жизнь по кругу крутится...» – гремело из машины. Мимо КПП на машинах ездил теперь даже задом наперед – тихонько, под гору. Где-то рядом монотонно били в барабан – словно гвозди заколачивали в бетон.

Ветер стих – даже листик березовый не дрогнет над забором. Идут по небу драные тучи, с надрывом режут за оградой голоса – женские и мужские, под музыку и без нее. Везут в машинах цветочные хвосты, держась за обреченные на гибель стебли.

Потом Георгия сменили местные сторожа, и он отправился отдыхать в садоводческую контору. Это оказался просторный двухэтажный дом из красного кирпича. На первом этаже здесь стояла пара кроватей, покрытых затертыми простынями. Лазовский отворил холодильник, потянул на себя дверцу морозильника и разинул от удивления рот: морозильная камера оказалась замороженной сверху донизу, и лишь в самом низу еще оставалась узкая щель размером с сигаретную пачку.

– Идиоты! – выдохнул Георгий и закрыл холодильник.

С улицы доносилась песня, усиленная динамиком:

«А кому какое де-а-ла! Я так того хоте-а-ла!..»

Лазовский поужинал, лег на кровать, а через пару часов, в сумерки, опять оказался на посту. Мимо шли незнакомые люди, тарасили на него глаза. За оградой в кафе, среди берез, какие-то девки, бродя меж столов, кричали в мобильники: «Алё! Алё!..» И визжали резко, устало, с подвывом, словно сирены пожарных машин. Потом одна из них подошла к машине, прибавила в ней громкость и вновь отправилась под навес, шатаясь на тонких ногах.

Потом оттуда вывели сгорбленную девушку, уложили в машину и вернулись назад, сверкая в темноте телефонами.

Луна спряталась за крышу высокого узкого здания, стало еще темнее. А на КПП почему-то пропала электроэнергия.

«Когда же это кончится?» – думал Лазовский, слушая грохот. А вскоре у него разболелась спина, и он решил прилечь в будке на скамью. Однако назойливый хохот тотчас поднял его. Лазовский присел к столу и стал смотреть из окна. Потом не выдержал и пошел к компании, которая к этому времени перебралась из кафе к машине.

– Не пора, ли, извиняюсь, закончить? – сказал Георгий, подходя к компании.

И, как ни странно, молодежь обещала уехать. Лазовский вернулся к будке, остановился, наблюдая за окрестностями и заметил, как от компании отделилась одна из девушек. Она приблизилась к Лазовскому.

– Можно? – мягко спросила она, беря Георгия под локоть. – У меня к вам вопрос. Понимаете, у меня день рождения...

– Да. Я вас слушаю...

– Но я не об этом, – продолжила девушка. – Можно?

Она придвинулась к Лазовскому, достала из сумочки хрустящую купюру и точным движением засунула в нагрудный карман форменной куртки.

– Не нужно этого делать. – Лазовский попытался вынуть деньги из кармана, но девушка прижала его пальцы своей ладонью.

– Оставьте, – сказала она. – Всё будет хорошо, не беспокойтесь. Эта бумажка редкая для нашего региона.

Вскоре компания села по машинам и через ворота заехала в дачный поселок. Хрустящей бумажкой оказалась купюра достоинством в пять тысяч.

«Господь существует, – подумал Лазовский, – послал денежку через именинницу...»

Утром у будки охраны появился мальчик лет восьми. С велосипедом в руках. Бросив велосипед, он схватил лежащий поперек дороги трос и дернул его что есть силы, норовя зацепить проходящую мимо машину.

– А что б тебя! – крикнул Лазовский. – Брысь отсюда!

– Почему вы их пропускаете? – вздыбился паренек.

– Не твоё дело, ступай, помоги мужику столбы ставить.

Метрах в пятидесяти от будки какой-то мужик устраивал городьбу. Мальчик ушел к мужику и стал там играть со щенками на обочине дороги. Однако вскоре ему надоели щенки, он поднял из травы велосипед и направился к Лазовскому.

– Цепь слетела, – сказал он, подходя вплотную, и повторил настойчиво: – Цепь слетела...

– Ступай к своему папе, – велел Лазовский. – Есть у тебя?

– Есть...

– Вот и пусть он тебе наладит...

Мальчишка насупился.

– Тебе же его регулировать надо, а у меня ключей нет, – сказал Лазовский, садясь возле троса на стул. – Ступай... Уйди, говорю, с дороги.

И снова плыли машины, а смена всё не являлась. Мальчишка крутился рядом.

– Нет, лупану! – крикнул он вдруг, схватился руками за трос и дернул к себе, подняв над асфальтом гирлянду стальных бус.

Машина едва успела затормозить. Лазовский дернул у мальчишки из рук трос, ослабляя натяжение.

– Ну и гад же ты! Пошел отсюда! – Лазовский кипел.

– А чё! – не сдавался тот. – Они не должны тут ездить!

– Уйди, ради бога, – двинулся на него Лазовский. – Много ты понимаешь.

Лишь к одиннадцати часам дня из конторы пришла машина с заменой.

– Не пост, а какое-то наваждение, – говорил Георгий, садясь в машину.

Непрокин ехал в сторону рынка. За рулем сидел один из штатных водителей. Машина притормозила возле ворот, затем вошла внутрь рынка и возле двухэтажного здания с надписью «Дирекция рынка» остановилась.

Непрокин вышел из машины, взялся за ручку входной двери, затем оглянулся в сторону водителя.

– Поглядывай тут, – и скрылся за дверью.

Лицо у него моментально преобразилось: надменность исчезла, а вместо нее в глазах появилась внимательность. Возле кассы стоял вооруженный пистолетом охранник. Тяжелая кобура оттягивала книзу широкий ремень. Непрокин первым кивнул охраннику, вошел в кабинет к директору и сел в просторное кресло. Директор, стройный мужик лет тридцати, вытянулся перед ним по струнке.

– Как у нас дела? – спросил Непрокин. – Решили проблему?

– В штыки принимают, – ответил директор.

– Не понял. А ну объясни.

– Не хотят. Нам, говорят, и этого за глаза.

– А ты разъяснил, что если они откажутся, то работать здесь больше не будут?

– Безусловно, – скакнул на месте директор. – Довёл до каждого под расписку, как вы велели.

– Мы ведь это не сами придумали. Роспотребнадзор. Это их указание – заменить все ларьки. Цена обоснованная.

– Я постараюсь, – обещал директор. – Сегодня же по второму кругу пройдемся.

Глава 9

Как бы то ни было, третий пост на главном объекте пришелся Лазовскому по душе, несмотря на то, что с поста временами дергали для подмены. Здесь были одни склады и минимум народу.

В следующую смену Лазовский отдежурил с утра до глубокой ночи. В два часа его подменили, он пришел в комнату отдыха, разулся и лег на топчан, собираясь быстрее уснуть.

Однако сон пока что не шел к нему. В памяти возникали картины прошлого, которые, впрочем, скоро перемешались с картинами сна, так что различить их между собой уже не было никакой возможности. Лазовский видел себя вместе со своей маленькой дочерью в каком-то помещении, из которого надлежало срочным порядком уйти – немедленно, потому что в помещении была опасность. Она струилась из всех щелей. Это было несколько пустых комнат, заставленных канцелярской мебелью, и длинный пустой коридор.

В помещениях было сумрачно, безлюдно, но чудилось чье-то присутствие. Лазовский держал за руку дочь, чувствуя тепло ее ладони. Потом он вышел из коридора на лестничную площадку и облегченно вздохнул. Поднял дочь на руки и стал опускаться по бесконечным ступеням к выходу. Их было множество, этих ступеней, как в университете, где он когда-то учился.

Георгий опустился к выходу, и здесь у дочери с ноги слетел башмачок. Лазовский присел с ребенком, стараясь угодить ножкой в обувь, но это ему не удалось. Посадив ребенка себе на колени, он поднял ботинок, надел на крохотную ножку и завязал шнурки. Затем выглянул из-за стальной двери: снаружи бушевала непогода, шел дождь, было темно.

Лазовский подхватил ребенка и стал возвращаться. Поднялся на верхнюю площадку и, переводя дыхание, заглянул за дверь, из которой только что вышел. И вздрогнул, увидев следы мокрых ног на полу. Следы уходили в одну из комнат по длинному коридору. От вида мокрых следов Лазовскому сделалось плохо. Мороз пробежал по спине, коробя кожу. Он рисковал ребенком, у него был один выход – выйти на улицу, в непогоду.

Лазовский вновь опустился книзу, накрыл дочку полой куртки, прижал к груди и, открыв дверь, шагнул в непогоду. Дочь на груди не плакала.

Вскоре оказалось, что Лазовский идет знакомой улицей. Позади кто-то тоже шагал в темноте. Лазовский повернул за угол. Кругом были теперь мокрые одноэтажные деревянные дома. А вот и переулочек Закавказский. Тридцать пять. Бабушкин дом. Здесь всё знакомо до последних мелочей. Нужно войти в палисадник и толкнуть дверь террасы.

И здесь страх снова овладел им: позади кто-то его преследовал. Лазовский прибавил шаг, вошел в палисадник. Но едва он заскочил на терраску и запер дверь, как в ту же секунду снаружи раздался стук. Некто ломился в закрытую дверь. Это оказался какой-то мужик в темной одежде: сквозь щели был виден его силуэт. Дверь ходила под градом ударов и грозила слететь с петель; ручка вращалась, так что приходилось ее удерживать.

Мужик ломился и кричал:

– Я тоже хочу здесь жить! Это моё право!..

Лазовский удивился, мужик говорил о каком-то праве. И в ту же секунду в дверь ударил поток – настолько мощный, что хлестало сквозь щели.

– Кишка ты пожарная! – ругался Лазовский. – И не ослабнешь ты никогда!..

Нащупав в кармане нож, Лазовский решил броситься негодяю навстречу. Сердце его трепетало, но по-другому поступить было нельзя: доченька находился рядом, и надо было ее защищать, пока обоих не смоем потоком. И он сделал это. Дернул дверцу, ухватил мужика в охапку и тут понял, что это не мужик, а черная старуха. Причем не одна: от нее тут же отпрыгнула молодая испуганная женщина и упала на пол.

– Живи пока, – сказал старухе Лазовский, продолжая ее удерживать, и с силой воткнул в нее нож, который почему-то вдруг оказался шприцом.

Старуха застонала и стала падать. Тем не менее, по всему выходило, для жизни это ей не грозило. Ей это было на пользу, потому что в шприце оказалось лекарство.

...Потом снова шел дождь. Лазовский, проводив свою жену на остановку, пошел было назад, однако тут же вернулся, поскольку забыл поцеловать. Он обнял Ирину и заглянул в молодые карие глаза. И понял, что эти глаза его любят.

Потом он видел мать. Какие-то двухъярусные кровати стояли в просторном помещении, как в солдатских казармах. У матери спрашивали ее имя и фамилию, а та ничего не могла понять.

Лазовский испуганно вздрогнул, встретившись с ней глазами – они не узнавали его. Но вдруг в них мелькнул хитрый огонек, и мать сказала:

– Не такая я дура, чтобы не узнать сына, – и пошла к реке. Она вошла по щиколотку в воду и остановилась.

– Мама?

Лазовский подскочил к ней, упал на колени и ухватил руками за ноги.

– Это ты, мама? – спрашивал он, удивляясь. Он заходил от слез. – Я не узнал тебя, мама. Прости меня! Не уходи!..

И громко заплакал, не стесняясь, и тотчас проснулся, не понимая происходящего, с онемевшей левой рукой. Потом повернулся на другой бок и снова уснул.

... В туманном воздухе солнце светило, словно прожектор. Было тепло. От влажного воздуха дышалось с трудом. Просторная будка охраны стояла на автомобильном прицепе, установленном на бетонные блоки. Из будки к земле опускалась всё та же стальная лестница. Лазовский стоял наверху, у распахнутой настежь двери.

Как странно светит солнце. И так естественно. Так бывает. Словно прожектор в тумане.

«Зло и желание с ним бороться идут рука об руку», – вспомнил Лазовский и вернулся в вагончик. Здесь он сел в кресло, посмотрел в окно. Воскресенье. Из рабочих здесь нет никого. Лишь бегают меж тополей собачья свора, да лежат в неподвижности кучи красного кирпича. Их надо охранять. А так же и всё остальное. До последнего ржавого гвоздя...

У Лазовского висит на ремне служебный «ИЖ» с шестнадцатью патронами, в ногах дремлет приبلудный помощник по кличке Рыжий. Появится посторонний – помощник уже на ногах. Всё замечательно, если б не мухи, которые залетают в вагончик и мешают думать. Вот еще одна...

Лазовский тихонечко взял со стола линейку, прицелился в муху и щелкнул. И подумал едко: «Ведь знают же, что мы этого не любим, а всё равно лезут...»

Никто пока что не догадывался, что он – Лазовский. Это вселяло тихую радость. Потом прилетела оса, тычась в лицо и норовя укусить. Лазовский снова прицелился и щелкнул по ней. Та отлетела прочь, дребезжа.

Потом гурьбой прилетели мухи. Целое стадо на крыльях. Одна из них тоже лезла в лицо. Лазовский схватил со стола нож и ударом рассек ее налету. Та отлетела в угол, металлически прозвенев.

«Ведь знают же, что это нам не нравится, а всё равно лезут...» – снова подумал он и тут понял, что срубил подслушку. Выходит, за ним следят, не могут успокоиться. Поэтому нельзя расслабляться. Надо быть начеку.

...Потом вдруг стемнело. На стенах шуршали невидимые тараканы. Каждый величиной с настоящего, с электронной начинкой. И не было никаких сил давить эту гадость. Однако Лазовский давил. В том числе на себе...

Сделалось невыносимо в вагончике, Лазовский вышел на крыльцо. Темнота, никого вокруг. Лишь горят фонари и затаились по углам тени. Затем выплыла из земли громадная бордовая луна. Поднялась, и стало светло. Почти как днем. И стало, наконец, прохладно.

Дышалось легко. Лазовский стоял на площадке, упираясь локтями в стальные перила и поражаясь ночной красоте. И даже расслабился, но боковым зрением успел заметить, как в ухо к нему залетела огромная, размером с Непрокина, птица, и он инстинктивно ткнул следом пальцем, но в ухе оказалось пусто. Зато из другого уха выскочила мошка.

Это Лазовскому не понравилось. Лучше уйти и сидеть в вагончике, закрывшись на все запоры. Он вернулся внутрь, запер за собой и выключил свет. Затем уселся в скрипучее кресло. Без света виднее, что происходит на улице.

В таком положении он сидел довольно долго, шаря взглядом за окнами, пока шея не затекла. Лазовский изменил положение. Присмотрелся и понял: сквозь узкую щель в полу следят за ним, не моргая, масляные глаза.

«Господи Иисусе!.. – вздрогнул Лазовский. – Сколько же этому продолжаться!..»

«Зло и желание с ним бороться... – вновь попало на ум. – Подлость где-то рядом...»

«Не желай никому добра, иначе самому не достанется!» – нашептывал кто-то рядом.

– Мама! – Лазовский снова увидел ее, подскочил и обнял. – Мама! Это ты, мама! – Он задышался от слез. – Я тебя не узнал. Я твой сын! Прости меня, мама! Не уходи!

Он громко заплакал и сразу проснулся – переполненный страхом, печалью, с онемевшей левой рукой. И принялся энергично работать пальцами, приводя руку в чувство.

Сон. Все-таки сон. За какие-то секунды облетел Лазовский полмира, чтобы вновь оказаться на кушетке второго поста.

Он повернулся на другой бок. В районе левого бицепса, в самой мякоти сильно ломило. Он с трудом привел руку в чувство и посмотрел на часы: прошел всего час.

... А в пять утра Лазовский снова вернулся на пост, сменил охранника, обежал вокруг складов, поднялся в вагончик и присел. Бицепс левой руки по-прежнему ломило. Он снял с себя куртку, затем рубашку и, оставшись в одной футболке, увидел на предплечье чугунные следы человеческих пальцев. Пальцы другой руки полностью совпали с кровоподтеком. Выходит, во сне ухватил за руку и сжал.

Оставалось еще целых два часа до окончания смены, и тут оживился сотовый телефон. Звонил Снопков. Лазовский накануне пытался ему доказать, что не следует им создавать детективное агентство, поскольку данная услуга вряд ли окажется востребованной. Однако Снопков в той же манере, нудливо, стал доказывать, что вдвоем им будет легче – надо лишь получить в полиции лицензию на детективную деятельность.

– Почему только это? – перебил Лазовский. – Почему еще не на охранную деятельность?

– Ну, в принципе, и это тоже, – согласился Снопков.

– А еще на оказание юридических услуг, – прибавил Георгий. – Без этого я не согласен. Без этого вся работа теряет смысл.

Однако на этот раз Снопков вел разговор о деньгах, которых было у него негусто.

– Потом, – отмахнулся Лазовский и отключил трубку.

Однако не успел он убрать телефон, как тот вновь запел. Говорил Непрокин.

– Ты остался мне должен, – ворчал он. – За испорченный монитор. А так же за чайник, который спалил.

– Ух ты, как тебя разнесло! – удивился Георгий. – А за прошлогодний снег я тебе ничего не должен? Ты говори, не стесняйся. За туалетную бумагу...

– Ты меня плохо знаешь, зараза! – перешел тот на крик.

Георгий рассмеялся:

– Подписал обходной – до свидания.

– Я не прощу тебе. Ты за всё заплатишь!

– Хорошо, я приду, и мы поговорим.

В это же утро, сменившись в дежурства, Георгий приехал к Непрокину и тут окончательно с ним разругался.

– Я не встречал таких идиотов, начиная с родной Дубровки, – сказал он под конец.

У Непрокина дрожали челюсти.

– Вон из моего кабинета! – кричал тот гортанно.

– И кабинет у тебя не твой, а государственный... Заплыл салом и сидишь тут, как боров...

Глава 10

Снопков и Лазовский целую неделю мотались теперь по городу. Сначала в районный отдел полиции. Оттуда в налоговую инспекцию, затем в пенсионный фонд, фонд медицинского страхования. Казалось, полиция не захочет иметь на своей территории конкурентов, однако и эти мысли потом отступили, поскольку лицензию выдали. Предстояло подобрать офис для предприятия.

Впрочем, увольняться из Чопа они не спешили. Решили, что обойдутся пока без офиса. А клиент, если он есть, сам найдет их. И дали объявление в областную газету «Мозаика»: «Снопков и Лазовский – детектив, юридические услуги».

Жизнь тем временем текла в том же русле – сутки через трое. В очередной раз, отдежурив, Лазовский возвращался домой. На душе было радостно. Кругом зеленела растительность, распускались цветы. Расцвел даже чахлый кустик сирени возле подъезда – возле него торчала теперь старуха, ломая ветки, – походя, словно бы между прочим. Слабое деревцо трепетало в руках человека

- И не стыдно вам, женщина! Ведь сирень едва прижилась.
- Больше ломаешь – больше растет, – огрызнулась старуха. Но руки от куста убрала.
- Если каждый отломит по ветке – ничего не останется...
- Ладно вам кипятиться. Все ломают, а мне нельзя...

Лазовский продолжил путь, удивляясь старухиным доводам. Придя домой, он прилег отдохнуть, а когда проснулся, супруга подступила к нему с новостями.

- Тебе женщина звонила какая-то, пока ты спал. Непрокин уволить ее решил.
- Бывает, – рассуждал спросонья Георгий, собираясь что-нибудь еще сказать. Но не успел, поскольку в дверь позвонили.

Ирина кинулась открывать, Георгий торопливо оделся и сидел в кровати, словно каменный истукан. Дежурство давало о себе знать. В голове звенело.

Супруга в прихожей с кем-то щебетала. Георгий поднялся, вышел в коридор и увидел там Люберцеву.

– Буквально на минутку, всего на минутку, – торопилась та, поправляя прическу. – Такое дело, что просто ужас полнейший...

Марине Люберцевой шел пятый десяток. Она только что его «распечатала» и была полна, как видно, женских иллюзий, что всё еще впереди – в том числе и дети.

В сопровождении Ирины она прошла в зал и села в кресло, блуждая взглядом по стенам.

– Извините, ради бога, – говорила она. – Дело в том, что Непрокин собрался меня убрать с работы. Вот я и решила к вам обратиться, Георгий Михайлович, чтобы выяснить...

Лазовский присел на диван и слушал неожиданную гостью.

– Оснований у него никаких, как я понимаю, – продолжала Марина. – Однако хотелось бы знать, как такое возможно?

– Его самого сократили, – заметила Ирина. – За двадцать четыре часа...

– С предоставлением вакансии слесаря, – уточнил Георгий. – Да я и сам, надо сказать, собирался, так что для меня это не вопрос...

Он поднялся, подошел к книжному шкафу. Взяв с полки книгу, распахнул и вынул лежащие между страниц копии документов.

– Это хорошо, что вы пришли, – сказал он. – Допустим, это вот мне понятно, здесь говорится о намерениях Непрокина, но остальное мне недоступно. Просто египетская грамота...

– А можно мне посмотреть? – сказала Люберцева.

Лазовский подал ей листы.

Марина принялась их рассматривать.

– Что ж, понятно. До этого я еще сомневалась, думала – так себе, беспочвенные подозрения. Непрокин планирует пересадку органов. Об этом свидетельствует текст на латыни. Он пишет об этом открыто.

– В ЦГБ вошь на аркане, а тут пересадка органов.

Лазовский с шумом потянул в себя воздух.

– Для этого не надо особых условий! – воскликнула Марина. – Например, торговать. Изъял, сохранил, поставил – в смысле, продал на сторону. Для этого особого ума не надо. Главное, изъять незаметно для окружающих. Изъять можно что угодно – особенно почку. Где угодно. Даже, допустим, в морге...

– О, господи, – удивилась Ирина, – да разве ж такое возможно?

– Без сообщников – это едва ли, – согласился Георгий.

– Естественно, – согласилась Люберцева.

Взгляд у нее уперся в настенные часы. Время топталось на месте.

– Короче, наглец, – продолжала она. – А наглость – второе счастье...

Поговорив на эту тему еще с полчаса, Люберцева вдруг спросила:

– Может в суд на него подать? – и уставилась в пол.

Лазовского передернуло при слове «суд». Одно дело иск. Другое – уголовное производство, до которого как до Китая, поскольку в том направлении даже конь не валялся.

– Надо бы мне восстановиться на работе, а там видно будет, – продолжила Марина. – Как вы на это смотрите, Георгий Михайлович?

– Вам решать, стоит ли обжаловать увольнение, – ответил Лазовский. – Я бы, допустим, не стал, потому что работать в таких условиях... С другой стороны, насколько я понимаю, вы уволились по собственному желанию. Не так ли?

– Он меня вынудил, я не сама...

– Вот я и думаю, есть смысл. В суде придется доказывать, так ли это было на самом деле. Такова судебная практика, так устроен закон. И все же, как бы то ни было, я готов вам помочь, Марина Аркадьевна.

В этот же день Лазовский отправился к Непрокину.

«Прежде всего, надо решить вопрос с невыплаченной зарплатой. Поймать гада в коридоре, прижать к стенке и высказать принародно всё, что накопело...»

Однако чем ближе он был к объекту неприязни, тем глуше и тупее становилось в душе. Стоит ли портить нервы из-за копеек?

Но стоило ему подойти к ЦГБ и взяться за ручку двери, как в груди опять зазвенело, и послышался голос доктора Люберцевой:

– Наглость – второе счастье!

Георгий оглянулся. Кругом пусто. Лишь на площадке стоит внедорожник Непрокина, да ворона орет в отдалении.

«Пара, – решил Георгий. – Потому что если откладывать, то это, считай, никогда...»

Георгий вошел в ЦГБ и побрел неспешно в сторону бухгалтерии, читая вывески на дверях. Оказалось, вместо старичка Саховского лечебную работу теперь курировал некто Самохвал. Георгий не помнил человека с такой фамилией, а когда вошел в кабинет, то увидел за столом молодого человека косматой наружности, лет двадцати с небольшим.

Оказалось, старика проводили на пенсию.

Лазовский развернулся, вышел из кабинета. Коридором, в окружении студентов, плыл в очках Непрокин.

– Всё ползаешь? – ощерился тот, завидев Лазовского.

– А ты всё паришь? – нашелся Георгий. – Кому почку?! А может, сердечко по сходной цене?!

Непрокин остолбенел. Однако быстро пришел в себя и принялся бормотать, глядя по сторонам:

– Что ты несешь? Какие почки?

Мимо сновал народ, студенты во все глаза смотрели на Главного.

– У него не все дома... – Непрокин пытался улыбаться. Но улыбка не получилась – сверкнули клыки. Он развернулся и пошел в обратную сторону.

Лазовский ворчал вслед:

– Не платит, и он же еще гундит...

На шум из кабинета вышел Самохвал. Молодежь в халатах моментом сдуло.

– Что вам здесь надо?! – разинул рот Самохвал.

Однако Георгий не удостоил его ответом. Лишь смерил взглядом с головы до ног. И направился в бухгалтерию.

Непрокин тем временем влетел к себе в кабинет, сунулся в кресло, схватился за телефонную трубку и начал тыкать кнопки. И принялся говорить о случившемся происшествии, услышав знакомый голос. Собрал всё в кучу, а под конец потребовал срочных мер. Посадить обоих, Лазовского с Люберцевой. Особенно Люберцеву.

– За что? – изумился Брызгалов. – За хищение тряпок?

– Хотя бы и так!

– Ты меня удивляешь, Ильич.

– Придумай хоть что-нибудь. Я тебя умоляю, – бормотал Непрокин. – Помнишь, как я тебя вытащил? У нас же целое дело с тобой получилось. Мы же с тобой...

– Приезжай. Будем решать...

Вот и весь разговор. Федор Ильич откинулся в спинку кресла, побежал взглядом по потолку, затем грузно поднялся. А вскоре уже сидел в кабинете Брызгалова и жаловался на жизнь.

– Представь, – пел он, заглядывая в глаза, – иду я с группой студентов, а этот бивень навстречу – и давай во всю глотку. При посторонних.

Непрокина от натуги заклинило, он покраснел, отвернулся в сторону и принялся беспрерывно чихать.

– Ну, зараза, – повторял он в перерывах, – ну погоди...

А когда его отпустило, продолжил:

– Так что вот так, Анатолий Егорович, выручай.

– Будь здоров, Федор Ильич...

– Ага, здоров, – краснея, выдавил тот из себя и вновь чихнул. – Это у меня после острова. Видать, просквозило...

Брызгалов поднял трубку, нажал клавишу переговорного устройства и произнес:

– Зайди на минутку.

Бросив трубку в гнездо, он встал из-за стола, подошел к окну и удивился. Почти что рядом – рукой достать! – тянутся к небу деревья, доносятся голоса прохожих с улицы, тогда как ему предстоит решить чужую проблему. Назвать ее своей язык не поворачивается, потому что непрокиных теперь хоть пруд пруди – не то что, допустим, в начале полицейской карьеры. Так уж получилось, что в судьбе молодого лейтенанта, Непрокин сыграл серьезную роль. Скажи он тогда в суде, что лейтенант на его глазах «окучил» рабочего парня дубинкой по шее – быть бы тому лейтенанту обычным зеком в ментовской колонии. Давно это было, а кажется, что вчера. Парень лежал на асфальте, закатив глаза и синея. Федя тогда вынул из сумки шприц, сделал инъекцию...

Щелкнула дверь, в кабинет вошел заместитель Игин – с блокнотом в руке, готовый записывать бредни и бежать хоть на край света. Особенно если это поручения особого характера.

– Вот какое дело, Игорь Олегович, – начал Брызгалов. – Потому что если не мы, то кто же нашему другу поможет. Ты посмотри на него, весь извелся. Надо помочь, непременно. На официальном уровне. Федор Ильич напишет заявление, а мы среагируем. – И к Непрокину: – Напишешь, Федя?

– Естественно, – ответил тот бодро. – Только вот как? Я не юрист всё же...

– Решим, – заверил Игин.

Брызгалов поднялся из-за стола:

– Вот и славненько. Преступник должен сидеть в тюрьме. Это аксиома.

Глава 11

Вернувшись домой от Лазовского, Марина впустую провела весь вечер. Блуждая по комнатам, она ругала себя последними словами. Ругать было за что. Лишь такая дубина – в статусе кандидата медицинских наук! – могла заявить об увольнении с работы. Заявить и теперь доказывать, что это у нее сгоряча, под давлением обстоятельств. Спрашивается, поверит ли суд, что ее шантажировали? То-то и оно, что не поверит, потому что она палец о палец не ударила, чтобы хоть как-то закрепить этот факт. А ведь нужно было всего лишь записать на диктофон, как Непрокин ее запугивал. Либо заявить об изнасиловании.

Марина брезгливо сморщилась. На подобное заявление она не решилась бы. Оставалось одно – подать иск и рыдать в суде до посинения.

Решив, наконец, что именно так она и поступит, Люберцева вошла в спальню и стала стелить постель. Здоровый сон – вот что ей нужно сейчас, чтобы сохранить бодрость духа, чтобы, как и раньше, выглядеть моложе собственных лет.

Однако лечь она не успела и встретила ночь в помещении для задержанных в отделе полиции. Марина лежала головой на столе и тихо плакала. Всё оказалось просто, как грабли. В дверь ее дома сначала позвонили, и Марина, как обычно, бросилась открывать, даже не спросив – кто там и кто такие. Это же так естественно – бежать к двери сломя голову. А когда в дом вошла толпа мужиков, то было поздно. Один из них сунул Марине под нос полицейское удостоверение.

– Люберцева Марина Аркадьевна?

– Да, – мотнула она головой.

– Ваши документы...

Марина сунулась к зеркалу в прихожей, взяла в руки сумочку, вынула из нее паспорт и протянула полицейскому.

– А что случилось? – удивилась она. – Что-то серьезное?

– Прошу следовать за нами. Мы вам там объясним.

– Где? Что вы мне объясните?!

Но Марину никто не слушал. Один из сотрудников, забрав из рук сумочку, вынул оттуда ключи и под руку повел из квартиры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.